

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

СБОРНИКЪ

ВТОРОЙ

— СОДЕРЖАНІЕ: —

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. — Двѣнадцать (поэма).

ЕВГ. ЛЯЦКІЙ. — Максимъ Горькій и большевики.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ. — Право. Оконце. Вѣнецъ
(стихотворенія).

К. ЧУКОВСКІЙ. — Воспоминанія о Л. Андреевѣ.

Н. К. РЕРИХЪ. — Памяти Леонида Андреева.

ИВ. БУНИНЪ. — Пѣсни.

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ. — Китежъ. Не-
опалимая купина. Святая Русь (стихотв.).

МИХ. О. — Заплаканнымъ глазамъ (стихотв.).

БОРИСЪ СОКОЛОВЪ. — Литература и наука въ
Совѣтской Россіи.

НЬЮ-ІОРКЪ. 1921 Г.

ЦѢНА 50 СЕНТОВЪ.

„Скорбь земли родной“

Сборникъ статей 1919 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

- Леонидъ Андреевъ. — Европа въ опасности.
Евг. Чириковъ. — Ленинъ и Иллѣодоръ.
А. И. Купринъ. — Памятная книжка.
Ив. Бунинъ. — Изъ “великаго дурмана”.
Ал. Н. Толстой. — Торжествующее искусство.
Александръ Яблоновскій. — Господа французы.

Цѣна 50 центовъ съ пересылкой.

Съ заказами обращаться по адресу:

“Free Russia” P. O. Box 81, Sta. D., New York.

„РОДНАЯ ЗЕМЛЯ“

— Сборникъ первый. —

СОДЕРЖАНИЕ:

- Теодоръ Сологубъ. — Родина (стихотвореніе).
Алексѣй Ремизовъ. — Слово о гибели земли
русской.
Евг. Чириковъ. — Матросъ Басовъ (очеркъ).
А. И. Купринъ. — Послѣдній изъ буржуевъ
(разсказъ).
Тэффи. — Русь (стихотвореніе).
М. Ростовцевъ. — Большевики и интеллигенція.
Діонео. — Национальность и культура.
М. К. Гурданская. — Эмиграція и смерть Леонида
Андреева (воспоминанія).
В. В. Набоковъ. — Панихида (стихотв.).

Цѣна 50 центовъ съ пересылкой.

Съ заказами обращаться по адресу:

“Free Russia” P. O. Box 81, Sta. D., New York.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ.

Книгоиздательство "Народоправство"

Нью-Йоркъ

1921

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. — Двѣнадцать (поэма)	5
ЕВГ. ЛЯЦКІЙ. — Максимъ Горькій и большевики	16
К. Д. БАЛЬМОНТЪ. — Право. Оконце. Вѣнецъ (стихотв.)	23
К. И. ЧУКОВСКІЙ. — Воспоминанія о Л. Андреевѣ	30
Н. К. РЕРИХЪ. — Памяти Леонида Андреева	37
ИВ. БУНИНЪ. — Пѣсни.....	42
МАКСИМИЛАНЪ ВОЛОШИНЪ. — Китежъ. Неопалимая купина. Святая Русь (стихотв.).....	44
МИХ. О. — Заплаканнымъ глазамъ (стихотв.).....	49
БОРИСЪ СОКОЛОВЪ. — Литература и наука въ Совѣтской Россіи	50

Александръ Блокъ.

Двѣнадцать.

1.

Черный вечеръ.
Бѣлый снѣгъ.
Вѣтеръ, вѣтеръ!
На ногахъ не стоитъ человѣкъ.
Вѣтеръ, вѣтеръ —
На всемъ Божьемъ свѣтѣ!

Завиваетъ вѣтеръ
Бѣлый снѣжокъ.
Подъ снѣжкомъ — ледокъ.
Скользко, тяжко —
Всякій ходокъ
Скользить — ахъ, бѣдняжка!

Отъ зданія къ зданію
Протянуть канатъ.
На канатъ — плакать:
«Вся власть Учредительному Собранію!»
Старушка убивается, плачетъ,
Никакъ не пойметъ, что значить,
На что такой планать,
Такой огромный лоснуть?
Сколько бы вышло портянокъ для ребятъ.
А всякій раздѣтъ — разуть!

Старушка, какъ курица,
Кой-какъ перемотнулась черезъ сугробъ.
— Охъ, Матушка-Заступница!
— Охъ, большевики загонятъ въ гробъ!

Вѣтеръ хлесткій!
Не отстаётъ и морозъ!
И буржуй на перекресткѣ
Въ воротникъ упряталъ носъ.

А это кто? — Длинные волосы
И говорить въ пологолоза:
— Предатели!
— Погибла Россія!
Должно быть, писатель —
Витя...

А вонъ и долгополый —
Сторонкой — за сугробъ...
Что нынче невеселый,
Товарищъ попъ?

Помнишь, какъ бывало
Брюхомъ шель впередъ,
И крестомъ сіяло
Брюхо на народъ?

Вонъ барыня въ каранулѣ
Къ другой подвернулась:
— Ужъ мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И — баць — растянулась!
Ай, ай!
Тяни, подымай!

Вѣтеръ веселый
И золь, и радъ,
Крутитъ подола,
Прохожихъ носить,
Рветъ, мнетъ и носить
Большой плакать:
«Вся власть Учредительному Собранію».
И слова доносить:

...И у насъ было собраніе...
...Вотъ въ этомъ зданіи...
...Обсудили —
Постановили...

На время — десять, на ночь — двадцать пять...
И меньше — ни съ кого не брать...
...Пойдемъ спать...

Поздній вечеръ.
Пустьбеть улица.
Одинъ бродяга
Сутулится,
Да свищеть вѣтеръ...

Эй, бѣдняга!
Подходи —
Поцѣлуемся...

Хлѣба!
Что впереди? ..
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипить въ груди...

Черная злоба, святая злоба...

Товарищъ! Гляди
Въ оба!

2.

Гуляетъ вѣтеръ, порхаетъ снѣгъ,
Идутъ двѣнадцать человекъ.
Винтовокъ черные ремни,
Кругомъ — огни, огни, огни...
Въ зубахъ — цыгарна, примать картузь,
На спину-бъ надо бубновый тузь!
Свобода, свобода,
Эхъ, эхъ, безъ креста!
Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!
— А Ванька съ Катькой въ кабакъ...
— У ей меренки есть въ чулкѣ!

— Ванюшна самъ теперь богатъ...
— Быль Ванька нашъ, а сталь солдатъ!

— Ну, Ванька, сукинъ сынъ, буржуй!
Мою, попробуй поцѣлуй!

Свобода, свобода,
Эхъ, эхъ, безъ креста!
Катька съ Ванькой занята —
Чѣмъ, чѣмъ занята?
Тра-та-та!

Кругомъ огни, огни, огни...
Оплечъ — ружейные ремни...

Революціонный держите шагъ!
Неугомонный не дремлетъ врагъ!

Товарищъ, винтовку держи, не трусь!
Пальнемъ-ка пулей въ Святую Русь —
Въ кондовую,
Въ избяную,
Въ толстозадую!

Эхъ, эхъ безъ креста!

3.

Какъ пошли наши ребята
Въ красной гвардіи служить —
Въ красной гвардіи служить —
Буйну голову сложить!

Эхъ ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишно,
Австрійское ружье!

Мы на горе всѣмъ буржуйамъ
Міровой пожаръ раздуемъ,
Міровой пожаръ въ крови —
Господи, благослови!

4.

Снѣгъ крутить, лихачъ кричить,
 Ванька съ Каткою летить —
 Електрическій фонарикъ
 На оглобеляхъ...
 Ахъ, ахъ пади!

Онъ въ шинелишкѣ солдатской
 Съ физьономіей дурацкой
 Крутить, крутить черный усь,
 Да покручиваетъ,
 Да пошучиваетъ...

Вотъ такъ Ванька — онъ плечистъ!
 Вотъ такъ Ванька — онъ рѣчистъ!
 Катку — дуру обнимаетъ
 Заговариваетъ...

Запрокинулась лицомъ,
 Зубки блещутъ жемчугомъ...
 Ахъ ты, Катя, моя Катя,
 Толстоморденькая...

5.

У тебя на шеѣ, Катя,
 Шрамъ не зажилъ отъ ножа,
 У тебя подъ грудью, Катя,
 Та царапина свѣжа.

Эхъ, эхъ, попляши!
 Больно ножки хороши!

Въ кружевномъ бѣльѣ ходила —
 Походи-на, походи!
 Съ офицерами блудила —
 Поблуди-на, поблуди!

Эхъ, эхъ, поблуди!
 Сердце екнуло въ груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел онъ отъ ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свѣжа?

Эхъ, эхъ, освѣжи,
Спать съ собою положи!

Гетры стѣря носила,
Шоколадъ Миньонъ жрала,
Съ юнкеремъ гулять ходила —
Съ солдатемъ теперь пошла?

Эхъ, эхъ, согрѣши!
Будеть легче для души!

6.

...Опять навстрѣчу несется всначь,
Летить, вопить, ореть лихачъ...
Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзаду забѣгай!

Трахъ-тарарахъ-тахъ-тахъ-тахъ-тахъ,
Вскрутился къ небу снѣжный прахъ!

Лихачъ — и съ Ванькой — на утекъ...
Еще разокъ! Взводи курокъ!

Трахъ-тарарахъ! Ты будешь знать,
Какъ съ дѣвочкой чужой гулять!

.....
Утекъ подлець! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я съ тобой!
А Катька гдѣ? — Мертва, мертва!
Прострѣленная голова!

Что, Катька, рада? — ни гу-гу...
Лежи, ты, пададь, на снѣгу!

Революцiонный держите шагъ!
Неугомонный не дремлетъ врагъ!

И опять идутъ двѣнадцать,
 За плечами — ружьѳца.
 Лишь у бѣднаго убійцы
 Не видать совѣсмъ лица...

Все быстрѳе и быстрѳе
 Уторапливаетъ шагъ.
 Замоталъ платокъ на шеѳ —
 Не оправится никакъ...

— Что, товарищъ, ты не весель,
 — Что, дружокъ, оторопѳль?
 — Что, Петруха, носъ повѳсилъ,
 — Или Катъку пожалѳль?

— Охъ, товарищи, родные,
 Эту дѳвну я любиль...
 Ночки черныя, хмѳльныя
 Съ этой дѳвкой проводиль...

Изъ-за удали бѣдовой
 Въ огневыхъ ея очахъ,
 Изъ-за родинки пунцовой
 Возлѳ праваго плеча,
 Загубиль я, безтолковый,
 Загубиль я сгоряча... ахъ!

— Ишь, стервецъ, завель шарманку,
 Что ты, Петька, баба что-ль?
 Вѳрно, душу на изнанку
 Вздумалъ вывернуть? Изволь!
 Поддержи свою осанку!
 Надъ собой держи контроль!

Не такое нынче время,
 Чтобы няньчиться съ тобой!
 Потяжеле будетъ бремя
 Намъ, товарищъ дорогой!

И Петруха замедляетъ
 Торопливые шаги,
 Онъ головку вскидываетъ,
 Онъ опять повеселѳль...

Эхъ, эхъ!
Позабавиться не грѣхъ!

Запирайте этажи,
Нынче будутъ грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляетъ нынче голытьба!

8.

Охъ ты, горе-горькое!
Скуна скучная,
Смертная!

Ужъ я времячко
Проведу, проведу...

Ужъ я темячко
Почешу, почешу...

Ужъ я сѣмячки
Полущу, полущу...

Ужъ я ножичкомъ
Полосну, полосну!

Ты лети, буржуй, воробышкомъ!
Выплю кровушку
За зазнобушку
Чернобровушку...
Успокой, Господи. душу рабы твоея...

Скучно!

9.

Не слышно шуму городского,
Надъ невской башней тишина
И больше нѣтъ городского —
Гуляй, ребята, безъ вина!

Стоитъ буржуй на перекресткѣ
И въ воротникъ упряталъ носъ.
А рядомъ жметя шерстью жесткой
Поджавшій хвостъ паршивый песь.

Стоить буржуй, какъ песь голодный,
Стоить безмолвный, какъ вопросъ,
И старый мiръ, какъ песь безродный,
Стоить за нимъ, поджавши хвостъ.

10.

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой вьюга!
Не видать совсѣмъ другъ друга
За четыре за шага!

Снѣгъ воронкою завился,
Снѣгъ столбушкою поднялся...

— Охъ, пурга каная, Спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
Отъ чего тебя упасъ
Золотой иконостасъ?
Бессознательный ты, право,
Разсуди, подумай здраво —
Али руки не въ крови
Изъ-за Каткиной любви?

— Шагъ держи революціонный!
Близокъ врагъ неугомонный!
Впередъ, впередъ, впередъ,
Рабочій народъ!

11.

...И идутъ безъ имени святого
Всѣ двѣнадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Ихъ винтовочки стальные
На незримаго врага...
Въ переулочки глухіе,
Гдѣ одна пылить пурга...
Да въ сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

Въ очи бьется
Красный флагъ.

Раздается
Мѣрный шагъ.

Вотъ — проснется
Лютый врагъ...

И вьюга пылить имъ въ очи
Дни и ночи
Напролетъ...

Впередъ, впередъ,
Рабочій народъ!

12.

...Вдаль идутъ державнымъ шагомъ...
— Кто еще тамъ? Выходи!
Это — вѣтеръ съ краснымъ флагомъ
Разыгрался впереди...

Впереди — сугробъ холодный,
— Кто въ сугробѣ — выходи!
Только нищій песь голодный
Ковыляеть позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыкомъ пощечочу!
Старый міръ, какъ песь паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалить зубы — волкъ голодный —
Хвостъ поджалъ — не отстаеть —
Песь холодный — песь безродный...
— Эй, откликнись, кто идетъ?

— Кто тамъ машеть краснымъ флагомъ?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто тамъ ходитъ бѣглымъ шагомъ,
Хоронясь за всѣ дома?

— Все равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мнѣ живьемъ!
Эй, товарищъ, будетъ худо,
Выходи, стрѣлять начнемъ!

Трахъ-тахъ-тахъ! И только эхо
Откликается въ домахъ...
Только вьюга долгимъ смѣхомъ
Заливается въ снѣгахъ.

Трахъ-тахъ-тахъ — !
Трахъ-тахъ-тахъ...

Такъ идти державнымъ шагомъ —
Позади голодный песь,
Впереди — съ кровавымъ флагомъ,
И за вьюгой невидимъ,
И отъ пули невредимъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ —
Впереди — Исусъ Христоръ.

1918 г.

Евг. Ляцкій.

Максимъ Горькій и большевики.

I.

Личность и творчество Максима Горькаго волнуетъ европейское общество. Популярнѣйшій русскій писатель, сочиненія котораго переводились и переводятся на многіе языки, тонкій художникъ и — большевики! Что могло связать его съ ними, что общаго между нимъ и совѣтскими самодержцами? Поддерживаетъ ли онъ ихъ или является однимъ изъ тѣхъ контръ-революціонеровъ, которые втайнѣ селятся спасти хоть что-нибудь изъ прежней русской культуры? Отвѣчать на подобные вопросы можно лишь предположительно, но нѣсколько соображеній могутъ оказаться не лишенными интереса. Зная Горькаго, беру на себя смѣлость утверждать, что Горькій не коммунистъ, не контръ-революціонеръ: онъ капризный баловень судьбы, играющій съ нею и вправо и влѣво. Избалованный всеобщимъ вниманіемъ, расчетливый въ своихъ привязанностяхъ, Горькій всегда, при всей видимой простотѣ, чувствуетъ себя, какъ на сценѣ. Если онъ не играетъ самъ, по его указкѣ должны играть другіе, и въ оркестрѣ, большомъ и маломъ, дирижерская палочка должна быть въ его рукахъ.

Для него, какъ для всякаго артиста на сценѣ, большое несчастье, когда о немъ не говорятъ и не пишутъ. Онъ чувствовалъ себя именно несчастнымъ — я помню это, когда одно время передъ войной интересъ къ нему упалъ, очарованіе его рассказовъ дѣйствительно какъ будто исчезло, расплылось въ общемъ вихрѣ событій, и Горькій интересовалъ въ тѣ годы только развѣ однихъ итальянцевъ, которые видѣли въ немъ любопытнаго русскаго эмигранта на Капри, раздражавшаго царскій ре-

жимъ своими мечтами о соціальной революціи. Вдали отъ родины талантъ его слабѣлъ, краски блѣднѣли, политическія симпатіи клонились то въ ту, то въ другую сторону. Нерѣдко художественный темпераментъ, искавшій красивыхъ образовъ, утомлялся политической борьбой. Лазурное море, Везувій въ золотомъ туманѣ, мягкое кресло у стола, заваленнаго книгами и цвѣтами — все звало къ мирной вдумчивой работѣ, къ тихимъ воспоминаніямъ, къ лиричѣ мысли и къ музыкѣ словъ. Горькій уже тогда отдавался работѣ надъ картинами своего дѣства и своей страннической жизни и казалось, что въ его тихомъ уютномъ кабинетѣ, съ широкимъ окномъ, открывавшемъ перспективу улыбающихся земныхъ холмовъ и горячаго неба, его геній нашель для себя надежный и вѣрный пріютъ. Казалось тамъ не будетъ мѣста ни враждѣ, ни злобѣ, ни кипѣнію соціальной вражды. Но рядомъ съ органическимъ влеченіемъ Горькаго къ творчеству, въ его душѣ жило ничѣмъ не укротимое честолюбіе и задоръ политическаго борца. Подъ наружной скромностью въ немъ таилось и крѣпло убѣжденіе, что никто иной, кромѣ него, неспособенъ явиться передовымъ вождемъ революціоннаго движенія въ Россіи. И будущіе большевики уже тогда старались воспользоваться для своихъ цѣлей блескомъ его имени и чрезвычайно искусно играли на его слабой струнѣ — на лести, которой этотъ истинный демократъ по крови и духу былъ доступенъ.

Стихійной страсти къ разрушенію не было въ душѣ Горькаго, но онъ понималъ отвлеченно поэзію борьбы и легко загорался чужимъ огнемъ — огнемъ Лениныхъ и Троцкихъ, съ которыми вообще никогда не былъ близокъ и не имѣлъ ничего общаго по натурѣ.

Трудно представить себѣ ту лесть и то поклоненіе, которую большевики вносили въ атмосферу скромной, но уютной виллы Горькаго на Капри. Горькій долженъ былъ являться вдохновителемъ революціоннаго пафоса и двигателемъ подпольныхъ силъ революціи. Отъ Горькаго ждали инициативы, къ нему обращались за совѣтами и указаніями. Десятки и сотни политическихъ статей и агитаціонныхъ памфлетовъ искали одобряющаго взгляда его сѣрыхъ, со стальнымъ отливомъ глазъ. Отзывы и мнѣнія Горькаго становились закономъ; литературныя репутаціи создавались и падали, подчиняясь

капризу его самолюбивой, въ сущности слабой колеблющейся натуры. Горькій-художникъ сотрудничалъ въ умѣренномъ трудовическомъ журналѣ “Современникъ”, его друзья — тѣ, кто не были большевиками, съ его вѣдома и согласно съ его желаніями хлопотали у царскаго правительства разрѣшенія для него вернуться въ Россію, а Горькій-революціонеръ, Горькій-борецъ проводилъ долгіе часы въ размышленіяхъ и бесѣдахъ надъ тѣмъ, какой ударъ слѣдуетъ нанести буржуазному міру, чтобы сразу покончить съ нимъ навсегда. Личнаго отвѣта на этотъ вопросъ у Горькаго не было, онъ изнывалъ въ сомнѣніяхъ и внутренней борьбѣ, но за него думали въ Швейцаріи будущіе герои Циммервальда. Отъ Горькаго требовали знамени, и онъ протягивалъ это знамя съ неумирающими словами: равенство и братство. Но въ то же время въ запахъ надвигающейся “пролетарской революціи” для Горькаго было что-то удушливое, что-то противное его артистическому чутью, — запахъ человѣческой крови. И сомнѣнія не покидали его.

Я видѣлъ Горькаго осенью 1912 года въ самый напряженный моментъ этой внутренней борьбы. Характеръ его былъ угрюмъ, настроенія измѣнчивы, какъ у женщины, теряющей любимаго человѣка. Въ Европѣ тогда было не спокойно, и Ленинъ, этотъ гениальный бухгалтеръ соціальной революціи, уже учитывалъ шансы возможной войны. Самодержавіе въ Россіи разваливалось само собою. Германія уже тогда употребляла всѣ усилія, чтобы обострить пониманіе классовыхъ противорѣчій въ Россіи. Многочисленные корреспонденты Горькаго сообщали ему о близящейся бурѣ и требовали отъ него новыхъ пѣсень, окрыляющихъ сердца къ битвѣ. Горькій былъ задумчивъ; въ шумномъ кругу собесѣдниковъ молча пилъ дешевое капрійское вино, отъ котораго не хмѣлѣли ни голова, ни сердце, часами слушалъ пѣсни Шаляпина, и плакалъ не то отъ умиленія, не то отъ внутренней муки. Онъ думалъ свою думу...

Когда ударила война и разразилась революція — къ тому времени Горькій получилъ разрѣшеніе и вернулся въ Россію — онъ не захотѣлъ остаться простымъ созерцателемъ событій и сдѣлалъ попытку овладѣть движеніемъ, подвергая дѣйствія большевиковъ жесточайшей критикѣ. Но борьба длилась не долго. Ленинъ, властный и уклончивый, расчетливый и способный на самую

тонкую лесь, одержалъ побѣду надъ Горькимъ и украсилъ его именемъ свою побѣдную колесницу. Склонившись передъ гигантской волею Ленина, Горькій утратилъ всякое политическое значеніе. Онъ могъ вернуться къ прежней созерцательной роли и даже не думать о политикѣ. Теперь его положеніе опредѣлилось: изъ протестантовъ онъ сталъ подручнымъ Ленина. Теперь ему ни къ чему не нужно было стремиться — большевики устремились такъ далеко, какъ онъ никогда и не мечталъ. Ему оставалось только плыть по теченію. И онъ поплылъ.

II.

И вотъ вопросамъ о Горькомъ нѣтъ числа. Всѣ недоумѣваютъ и не могутъ рѣшить: какъ могъ Горькій оказаться въ той же пестрой компаніи совѣтскихъ владыкъ, воздвигшихъ такое жестокое гоненіе противъ русской интеллигенціи и культуры? Многіе помнятъ его брезгливое отношеніе къ Ленину, помнятъ его разочарованіе въ комиссарѣ народнаго просвѣщенія Луначарскомъ, его отрицательное отношеніе къ теоретическому большевизму.

И спрашиваютъ:

— Онъ былъ близокъ къ трудовикамъ? Онъ редактировалъ “Современникъ” совместно съ Водовозовымъ и Богучарскимъ, этими прекрасными демократами, но весьма умѣренными социалистами?

— И да, и нѣтъ...

— Онъ работалъ вмѣстѣ съ Плехановымъ и былъ близокъ къ его взглядамъ?

— И да, и нѣтъ...

— Въ 1916 году онъ собирался издавать газету буржуазнаго направленія съ профессоромъ оксфордскаго университета П. Г. Виноградовымъ во главѣ, который никогда не былъ социалистомъ?

— Да.

— Въ 1917 году издавалъ социалистическую газету, въ которой громилъ нынѣшнихъ владыкъ?

— Да.

— Онъ палачъ по натурѣ?

— Нѣтъ.

— Онъ человѣкъ культурныхъ навыковъ и гуманистъ?

— О, да, да, да...

— Но, чертъ возьми, зачѣмъ же онъ полѣзъ въ эту темную кучу людей, для которыхъ культура, искусство, гуманизмъ — одни пустыя слова?

Въ этомъ то и заключается страшная трагическая загадка его личности и жизни. Онъ половинчатый человекъ. Сильный талантомъ, поэтической интуиціею, онъ слабъ, какъ политическій мыслитель и по натурѣ вовсе не борець. Когда большевики, въ періодъ прошлой борьбы съ нимъ поняли, что имъ не удастся овладѣть Горькимъ ни соблазнами коммунистическаго рая, въ который Горькій не вѣрять, ни мѣрами вишняго устрашенія, они кромѣ лести, использовали еще одну слабую струну въ его сердцѣ и искусно направили ее къ своимъ цѣлямъ. Эта слабая струна — влюбленность Горькаго въ ту буржуазную культуру, которая образовала его самого, наложила печать на его художественные вкусы, сообщила артистическую оконченность его писательскимъ приѣмамъ. Большевики предоставили ему возможность служить этой старой культурѣ. Дали взятку одной истинной сторонѣ его чувства съ тѣмъ, чтобы вторая, мнимая, служила имъ, большевикамъ, прикрытіемъ ихъ тираническихъ дѣйствій. Въ правительствѣ совѣтовъ и чрезвычайныхъ комиссій, въ правительствѣ самодержцевъ типа Ленина и революціонныхъ империалистовъ типа Троцкаго, для Горькаго не нашлось иного положенія, кромѣ мѣста “государственнаго издателя” произведеній міровой литературы...

И Горькій создалъ вокругъ себя свѣтлый оазисъ въ мрачномъ царствѣ унынія и смерти. Пусть кругомъ разстрѣливаютъ писателей, художниковъ и ученыхъ, ихъ творенія находятся подъ защитой Горькаго. Если они понравятся капризному комиссару-издателю, они могутъ быть изданы на государственнй счетъ. Пусть невѣжественныя совѣтскія власти позволяютъ грабить драгоценныя собранія предметовъ искусства и старины, пусть горять и рушатся старинные храмы и зданія дивной красоты, каждый красноармеець, каждый латышь и китаецъ особой охраны получить отъ государства изданія русскихъ классиковъ — тѣхъ, которые заслужили одобреніе Горькаго. Пусть каждая строка писателей, издаваемыхъ Горькимъ для народа, горитъ огненнымъ протестомъ противъ анархій и вандализма, Горькій безстрашно ве-

деть пропаганду старой культуры, наперекорь самой философии большевизма, утверждающей, что все старое должно быть уничтожено — и старое искусство, и старое право, и старая мораль. И эническии равнодушиемъ смотритъ Горькiй на разрушенiе величайшихъ сокровищъ Россiи и, къ счастью не проливаетъ тѣхъ крокодиловыхъ слезъ, которыя такъ обильно текутъ изъ глазъ какого-нибудь Луначарскаго, который ничего не создавалъ и которому въ русской культурѣ терять нечего.

Горькiй все дастъ разрушить, кромѣ русской литературы, потому что ее разрушать значило бы для него разрушать самого себя. Его личное творчество цѣликомъ вышло изъ этой литературы. Ей онъ обязанъ всеиъ, что у него есть — блескомъ изобразительности, трепетомъ предъ-революционной мысли, влиянiями литературныхъ мастеровъ, красочностью и пѣвучестью стиля. На грани двухъ мировъ творчество Горькаго осталось на старой межѣ. Отрываясь отъ него и обращая лицо къ новому миру, онъ ищетъ и не находитъ словъ. Онъ не создаетъ ни одной новой мысли, не прокладываетъ никакого новаго пути. Онъ обращаетъ къ нему только тоскующiй взглядъ и посылаетъ огненную мечту, но за этимъ взглядомъ не кроется ничего — темно и пусто! Горькiй остался на старомъ берегу.

Для большевиковъ Горькiй — символъ. Для нихъ не цѣнны ни его прекрасное творчество, ни его тоска по единой вѣчно-преемственной культурѣ. Для нихъ цѣннѣе та часть Горькаго, гдѣ нѣтъ ни творчества, ни образовъ, ни идей, но гдѣ есть революционный задоръ. Они давно разглядѣли, что подъ шумихой трескучихъ фразъ, порою вырывающихся у Горькаго, нѣтъ ни революционной убѣжденности, ни самой вѣры въ революцію — въ ту революцію, которая совершается на его глазахъ. Для нихъ Горькiй не знамя, какъ прежде, потому что красивыя слова на знамени “Равенство” и “Братство” потемнѣли и покрылись слоемъ грязи и крови, — но пропаганда, но защита, но моральный оплотъ. “Смотрите, — хотять они сказать его именемъ, — мы не такъ отвратительны, мы не такъ низки, мы не такъ темны: съ нами Горькiй”. И они позволяютъ ему даже распространять старую литературу, гдѣ лучшiе писатели земли русской разбросали щедрой рукой столько сѣмянъ добра и правды.

Они позволяют Горькому даже распространять тѣ воспоминанія его дѣтства и жизни, каждая строка которыхъ согрѣта любовью и протестомъ противъ неволи и гнета. Все переплелось въ этихъ воспоминаніяхъ — что было и что могло быть, что запало въ память и что вызвано игрой романтическаго воображенія. И среди тихихъ радостей и глубокихъ страданій, среди ударовъ судьбы и рѣдкихъ улыбокъ счастья проходитъ передъ читателемъ скорбная повѣсть души, которая ищетъ и страстно жаждетъ правды и свѣта, но блуждаетъ въ такомъ лабиринтѣ потемокъ и ложныхъ огней, въ какомъ настоящую дорогу найти чрезвычайно трудно. И когда вдумываешься въ то трагическое положеніе, въ которомъ оказался Горькій, этотъ тонкій художникъ и горячій поклонникъ культуры, принужденный издавать книги въ то время, когда кругомъ льется кровь и пылаетъ зарево пожаровъ, нельзя не видѣть, что онъ и до сихъ поръ находится на ложномъ пути. Талантъ его не служитъ большевикамъ и тѣ страницы его воспоминаній, которыя въ настоящее время занимаютъ вниманіе читателей, написаны задолго до большевистскаго переворота. Тѣ, кто прочли эту грустную и очаровательную повѣсть его жизни, согласятся со мною, что освобожденіе Россіи отъ большевиковъ явится вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденіемъ Горькаго отъ тѣхъ цѣпей добровольной неволи, которыя подавляютъ его личность и мѣшаютъ его творчеству вернуться въ новомъ и, можетъ быть, небываломъ блескѣ.

“Н. Р. Ж.”, 1920 г.

К. Бальмонтъ.

1.

П р а в о.

Право есть воображеніа.
Межъ священныхъ правъ людскихъ
Право спѣть свой звонкій стихъ.
Вдругъ, изъ мутнаго броженія,
Вызвать говоръ волнъ морскихъ,
Ивы спящей отраженіе,
Дальней бури приближеніе,
Перелить въ размѣрность пѣніа
Жемчуга съ морского дна,
Кубокъ желтаго вина.

Право есть среди безправія,
Скипетръ вѣрный у меня,
Онъ изъ снѣга и огня.
Не въ бреду, а въ яркой яви я.
Не въ толпѣ, а надъ толпой
Слово правды голубой.

Воздухъ — мой съ своими тучами,
Между нѣжныхъ береговъ
Изъ перистыхъ облаговъ,
Грянетъ сказками гремучими,
Комъ огня швырнувъ на комъ,
Разрывающійся громъ.
Сѣмя молній надъ пустынями,
И воздушными и синими,
Вспыхнетъ алымъ тростникомъ,
Глянетъ шпалниками острыми,

Имъ осони будутъ сестрами,
Воспалась мгновеннымъ сномъ.

Мнѣ — Вода съ своею славою
Быть смиренной межъ примѣтъ,
Взять отъ солнца малый слѣдъ.
Влить въ росинку самоцвѣтъ,
И внезапно стать державою,
Быть рѣкою многихъ странъ,
Рушить синій океанъ.

Мнѣ — Земля, которой велѣно
Отъ сочувственныхъ свѣтилъ
Между звѣздъ свѣтиться зелено
Въ часъ теченія кадилъ.
Въ диномъ хаосѣ расщелина.
Я на край ея ступилъ,
Влаги Вѣчности испилъ,
И въ разъятой мглѣ возстанія
Силой пѣсни и гаданія
Для грядущаго созданія
Возвожу размѣръ стропилъ.

2.

О к о н ц е .

Я смотрю на волю снова
Изъ окна слюдяного.
Непрозрачная среда.
Все же небо сверху, звѣздно,
Свѣтитъ ночью многогроздно,
И Вечерняя звѣзда
Мнѣ является богатой,
Увеличенно — косматой, —
Словно все кругомъ — вода,
Я, водою, тѣсно сжатый,
Вверхъ смотрю со дна пруда.

Нѣтъ, конечно, я не рыба,
Неуютно жить въ пруду.
Но, пока весь міръ въ бреду,
Здѣсь я съ грезой рѣчь веду.
Снѣгъ и ледъ. За глыбой глыба.
Отъ излома, отъ изгиба,
Въ сердце ждущее мое
Свѣтомъ входитъ остріе.
Пляска ломкихъ алыхъ граней
Держитъ мысль въ цвѣтномъ туманѣ.
Греза — жизнь. Вступи въ нее.

Радость быть въ своихъ основахъ,
Каплей въ бѣшенствѣ зыбей,
Въ даяхъ дней доледниковыхъ,
Позабытыхъ, вѣчно — новыхъ,
Смѣну красокъ, все скорѣй,
Видѣть въ зоряхъ янтарей.
Въ томъ свершающемся чудѣ,
Гдѣ лишь послѣ будутъ люди,
Я смотрю на бѣгъ слоновъ,
Я люблюсь, съ мастодонтомъ,
Безпреграднымъ горизонтомъ,
Въ ревѣ близкихъ облаковъ.

Въ довременной я Сибири,
Гдѣ и вѣтеръ, въ былой шири,
Устаетъ порой летать,
Упадетъ, и надъ безпутнымъ,
Взрывнымъ, всплывнымъ, поминутнымъ,
Чуть смущая тишь и гладь,
Буря спитъ, ворчунья — мать.
Вѣтеръ — съ вѣтромъ. Вонь ихъ стая,
У червоннаго Алтая,
Зацѣпились за скалу,
И въ пещерахъ тѣшатъ мглу.

Снѣгъ растаялъ. Орхидеи,
Раскрывая емкость чашъ,
Воздухъ пьютъ. И мыслятъ змѣи: —
«Полночь — наша. Полдень — нашъ».
Мамонтъ шествуетъ мохнатый,
Пышношерстный носорогъ,

И громовые раскаты,
На скрещеньи ихъ дорогъ,
Въ бубень бьютъ и трубятъ въ рогъ.
Мѣсяцъ съ Солнцемъ заглянули
Въ глубь разверстую горы.
Камень къ небу вспрянулъ въ гулъ: —
Чась вулкана. Чась игры.

Чась, что любятъ всѣ міры.
Золотая крѣпнетъ жила.
Солнцезернь. Цвѣтеть. Пора.
И Луна посторожила,
Чтобъ содружно шла игра
Блѣдныхъ блестокъ серебра.
Хоть травинки запредѣльной
Въ глубь укрылась, въ изумрудъ
И среди скалистыхъ грудъ
Огнецвѣтъ, какъ зовъ свирѣльный,
Брызнулъ сказкой тамъ и тутъ: —
Жуть измѣны влилъ въ опалы,
Тѣни всѣхъ часовъ — въ агать,
И поджегъ желанья, алый,
Влилъ въ рубинъ, вшепнулъ въ гранатъ: —
Въ страсть вошелъ, — нельзя назадъ.
Кто полюбить, тотъ безбреженъ,
Онъ ведомъ лучомъ звѣзды,
Хоть сидитъ онъ, тихъ и нѣженъ.
У оконца изъ слюды.

3.

Вѣнецъ.

Кто бы ни былъ вашъ избранникъ,
Если движеть васъ любовь,
Я, давнишній въ мірѣ странникъ,
Не могу нахмурить бровь.

Если онъ сердцамъ желанный,
Пусть горить, узнавъ звѣзду.
Я же, свѣтлый и туманный,
Остаюсь — или иду.

Коль вѣнецъ дадите мнѣ вы,
Я промолвлю, не гордясь: —
Зналъ я, юноши и дѣвы,
Много счастья и прикрасть.

Что въ людскомъ мнѣ восхваленіи?
Ужъ судьба пѣвцу дана.
Мнѣ свѣтили при рожденіи
Громы, Солнце и Луна.

Я родился возлѣ сада
И крестьянской полосы,
Въ дѣтствѣ мнѣ была отрада —
Стебель съ капелькой росы.

Я въ убогомъ сельскомъ храмѣ
Видѣлъ стѣны алтаря,
Я овѣянь былъ псалмами
Въ небѣ сущаго Царя.

Но не церковью наученъ
Я любить родной народъ,
А теченьемъ вдоль излучинъ
И свѣченьемъ тихихъ водъ.

Кто смотрѣлся въ эти воды
Въ зыбкой чащѣ ивняна,
Вовлечется въ хороводы
И въ творящіе вѣка.

Кто полюбитъ лучъ и пашни,
И протяжный гулъ лѣсовъ,
День отцвѣтшій, день вчерашній
Вложить въ новый бой часовъ.

Кто извѣдалъ, какъ сохою
Стихъ построены борозды,
Онъ внимательной рукою
Будетъ ткать узоръ звѣзды.

Я учился у народа
Въ самой боли пѣть хвалы.
Быть счастливымъ каплей меда
Я учился у пчелы.

Я отъ колоса родного
Цвѣтъ воспринялъ золотой,
И когда слагаю слово,
Въ этомъ словѣ звучь литой.

Я любилъ смотрѣть, какъ темный
Вдругъ отъ ласки вспыхнетъ ликъ,
Мнѣ открылось, что бездомный
Всюду дома и великъ.

Отъ родимой, отъ единой,
Въ сладкой жаждѣ новыхъ странъ.
Въ путь я взвился соколиный,
Каплей впалъ я въ Океанъ.

Но и тамъ, гдѣ пирамиды
Строилъ гордый Фараонъ,
Не забылъ родной обиды,
Чуждымъ блескомъ опьяненъ.

Но и тамъ, гдѣ въ снѣ стоокомъ
Дышать красные цвѣты,
Не забылъ я о далекомъ
Братѣ, полною темноты.

Но и тамъ, гдѣ знаютъ долю
Счастья, чуждаго скорбей,
Биться клялся я за волю
Тѣхъ, чья доля — гнетъ цѣпей.

И еще: — Гдѣ только льдины
Означаютъ край земли,
Въ край родимый, въ край единый
Гналъ мечтой я корабли.

Вотъ я странствовалъ довольно,
Вся мнѣ вѣдома Земля.
Что-жъ люблю я такъ, что больно?
Лишь родимыя поля.

Въ тѣхъ поляхъ душа святая,
Въ часъ, какъ былъ я одинокъ.
Васильки любви сплетая,
Подарила мнѣ вѣнокъ.

Что-жъ задумали вы, дѣти?
Чѣмъ вы маните того,
Кто изъ мглы тысячелѣтій
Хочетъ только своего?

Не дадите, иль дадите
Талисманъ какой сейчасъ, —
Изъ лучей возьму двѣ нити,
И сплету себѣ алмазъ.

Отломлю кусочекъ льдины,
Клинну вѣтры всѣ на пиръ.
Въ сердцѣ будутъ мнѣ рубины,
Въ небѣ будетъ мнѣ сапфиръ.

Но люблю я обновой,
И любимъ вѣнкомъ сердцецъ.
Лишь тѣснѣй сожму терновый
Мой невидимый вѣнецъ.

Ибо вижу я, что алость
Гаснетъ въ праздникъ своемъ,
И обманутая жалость
Холодѣетъ лезвиемъ.

Ибо тьма тысячелѣтій
Есть заклѣтье для дорогъ,
И разорванныя клятвы
Не слагаются въ чертогъ.

Пусть же буду отдѣленнымъ
И никакъ не слить съ толпой,
Благодатенъ въ снѣ стозвонномъ.
Въ Морѣ островъ голубой.

Кто владѣетъ звучнымъ словомъ,
Самъ куетъ себѣ вѣнецъ,
И давать — нѣтъ — не дано вамъ,
Только брать, что дастъ пѣвецъ.

“Воля Россіи”, 1920 г.

К. Чуковский.

Воспоминанія о Л. Андреевѣ.

Онъ любилъ огромное...

Андреевъ ходитъ по огромному своему кабинету и говоритъ о морскомъ: о брамселяхъ, якоряхъ, парусахъ. Сегодня онъ морякъ, морской волкъ. Даже походка у него стала морская. Онъ куритъ не папиросу, а трубку. Усы сбрилъ; шея открыта по матросски. Лицо загорѣлое. На гвоздѣ виситъ морской бинокль.

Вы пробуете заговорить о другомъ. Онъ слушаетъ только изъ вѣжливости.

— Завтра поѣдемъ на “Саввѣ”, а куда...

“Савва” его морская яхта. Онъ говоритъ объ аваріяхъ, подводныхъ скалахъ и меляхъ. Ночь. Четыре часа. Онъ всегда говоритъ монологи. Рѣчь его ритмична и тягуча.

Въ немъ было много прелестнаго дѣтскаго простодушія. Только очень талантливые люди, — только поэты, — умѣютъ быть такими дѣтьми. Легко представить себѣ Пушкинскаго Моцарта, съ увлеченіемъ играющаго въ лошадки. Сальери именно потому и бездаренъ, что онъ неспособенъ къ игрѣ.

Когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы снова пріѣзжали къ Андрееву, оказывалось, что онъ живописецъ.

У него длинные волнистые волосы, небольшая бородка эстетта. На немъ бархатная черная куртка. Его кабинетъ преобразенъ въ мастерскую. Онъ плодовитъ, какъ Рубенсъ; не разстается съ кистями весь день. Вы ходите изъ комнаты въ комнату: онъ показываетъ вамъ свои золотистыя, зелено-желтыя картины. Вотъ сцена изъ “Жизни Человѣка”. Вотъ портретъ Ивана Бѣлоусова. Вотъ большая византійская икона, изображающая съ наивнымъ кощунствомъ Искаріотскаго Іуду

и Христа. Оба похожи, какъ близнецы, у обоихъ надъ глазами общій вѣнчикъ.

Всю ночь онъ ходитъ по огромному своему кабинету и говоритъ о Веласкесѣ, Дюрерѣ, Врубельѣ. Увлечшись какой нибудь вещью, Андреевъ можетъ говорить лишь о ней; всѣ прежнія его увлеченія становятся ему ненавистны. Онъ не любитъ, если ему напоминаютъ о нихъ. Онъ забываетъ свою прежнюю роль моряка.

Его неутомимый, энергичный мозгъ жаждалъ непрерывной работы — эта безостановочная мельница требовала для своихъ жернововъ все новаго и новаго зерна, но зерна почти не было, не было живыхъ впечатлѣній, — и огромные жернова, съ бѣшеной силой, съ грохотомъ вертѣлись впустую, зря, вымалывая не муку, а пыль.

Да и откуда было взяться зерну? Въ своей Финляндіи Андреевъ жилъ, какъ въ чужбинѣ.

Не жалко ли, что художникъ, такой воспріимчивый, съ такими хватами, жадными и зоркими глазами, не видитъ ничего, кромѣ снѣгу, сидитъ въ четырехъ стѣнахъ и слушаетъ завываніе вѣтра! Въ то время, какъ его любимые Киплингъ, Лондоны, Уэльсы колесили по четыремъ континентамъ, онъ жилъ въ пустое, въ пустынѣ, безо всякаго вѣшняго матеріала для творчества, и нужно изумляться могучести его поэтическихъ силъ, которыя и въ пустотѣ не изсякли.

Писанію Леонидъ Андреевъ отдавался съ такой же чрезмѣрной стремительностью, какъ всему остальному — до полного истощенія силъ. Бывали мѣсяцы, когда онъ ничего не писалъ, а потомъ вдругъ съ невѣроятной быстротой продиктуетъ въ нѣсколько ночей огромную трагедію или повѣсть. Шагаетъ по ковру — грудь впередъ, — пьетъ черный чай и четко декламируетъ; пишущая машина стучитъ, какъ безумная, но все же еле поспѣваетъ за нимъ. Періоды, диктуемые имъ, были подчинены музыкальному ритму, который несъ его на себѣ, какъ волна. Безъ этого ритма, почти стихотворнаго, онъ не писалъ даже писемъ.

Онъ не просто писалъ свои вещи, онъ былъ охваченъ ими, какъ пожаромъ. Каждая тема сжигала его безъ остатка; онъ становился на время маниакомъ, не видѣлъ ничего, кромѣ нея, какъ бы мала она ни была,

онъ придавалъ ей грандіозные размѣры, насыщалъ ее грандіозными образами, ибо въ творествѣ, какъ въ жизни, былъ чрезмѣренъ; недаромъ любимыя слова въ его книгахъ “огромный”, “чудовищный”, “необыкновенный”, каждая тема становилась у него колоссальной, гораздо больше его самого, и застилала передъ нимъ всю вселенную.

А потомъ — цвѣтная фотографія...

Казалось, что не одинъ человекъ, а какая-то огромная фабрика, работающая безостановочно въ нѣсколько смѣнъ, изготовила всѣ эти неисчислимыя груды большихъ и маленькихъ фотографическихъ снимковъ, которые были свалены у него въ кабинетѣ, хранились въ особыхъ ларяхъ и коробкахъ, висѣли на окнахъ, загромождали столы. Не было такого угла въ его дачѣ, который онъ не снялъ бы по нѣскольку разъ. Иные снимки удавались ему превосходно: на примѣръ, весенніе пейзажи. Не вѣрилось, что это фотографія, столько въ нихъ было левитановской элегической музыки.

Въ теченіе мѣсяца онъ дѣлалъ тысячи снимковъ, — словно выполнялъ какой то колоссальный заказъ.

Цѣлая полоса его жизни была окрашена любовью къ граммафонамъ, — не любовью, а бѣшеной страстью. Онъ какъ бы заболѣлъ граммафонами, и нужно было нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы онъ излечился отъ этой болѣзни.

Его тянуло ко всему колоссальному.

Каминь у него въ кабинетѣ былъ величиной съ ворота, а самый кабинетъ — точно площадь. Его домъ въ деревнѣ Ваммельссу высился надъ всѣми домами: каждое бревно стонудовое; фундаментъ — циклопическія, гранитныя глыбы.

Помню, незадолго до войны онъ показалъ мнѣ чертежъ какого то грандіознаго зданія. — Что это за домъ? — спросилъ я. — Это не домъ, — это столъ, — отвѣчалъ Леонидъ Андреевъ. Оказалось, что онъ заказалъ архитектору проектъ многоэтажнаго стола; обыкновенный письменный столъ былъ ему тѣсенъ и малъ.

Такое тяготѣніе къ огромному, великолѣпному, пышному сказывалось у него на каждомъ шагѣ. Гиперболическому стилю его книгъ соответствовалъ гипер-

болическій стиль его жизни. Недаромъ Рѣпинъ называлъ его: герцога Лоренцо.

Его домъ былъ всегда многолюденъ: гости, родные, обширная дворня и дѣти — множество дѣтей, и своихъ, и чужихъ; его темпераментъ требовалъ жизни широкой и щедрой.

Есть люди, которые словно созданы для тѣсноты и убожества; трудно представить себѣ Достоевскаго — магнатомъ. Это было бы уродство неестественное. А Леониду Андрееву именно шло — быть магнатомъ; онъ былъ въ каждомъ своемъ жестѣ вельможа. Его красивое, точеное, декоративное лицо, стройная, немного тучная фигура, становитая легкая поступь — все это весьма гармонировало съ той ролью величаваго герцога, которую въ послѣднее время онъ такъ превосходно игралъ. Это была его коронная роль; съ нею онъ органически сросся. Онъ былъ изъ тѣхъ талантливыхъ, эгоцентрическихъ честолюбивыхъ полезныхъ людей, которые жаждутъ быть на каждомъ кораблѣ капитаномъ, архіереями въ каждомъ соборѣ. Вторыхъ ролей онъ не выносилъ: во всемъ, даже въ игрѣ въ городки, онъ хотѣлъ быть первымъ и единственнымъ.

И поразительно, когда онъ создавалъ своего Лейзера, еврея изъ пьесы “Анатѣма”, онъ даже въ частныхъ разговорахъ, за чаемъ, невольно сбивался на библейскую мелодію рѣчи. Онъ и самъ становился на время евреемъ. Когда же онъ писалъ “Санику Жегулева”, въ его голосѣ слышались волжскія залихватскія ноты. Онъ невольно перенималъ у своихъ персонажей ихъ голосъ и манеры, и весь ихъ душевный тонъ и перевоплощался въ нихъ, какъ актеръ. Помню, однажды вечеромъ онъ удивилъ меня безшабашной веселостью. Оказалось, что онъ только что написалъ Цыганка, удалаго орловца изъ “Повѣсти о семи повѣщенныхъ”. Изображая Цыганка, онъ и самъ превратился въ него и по инерціи оставался Цыганкомъ до утра — тѣ же слова, тѣ же интонаціи, жесты.

Герцогомъ Лоренцо онъ сдѣлался, когда писалъ свои “Черныя Маски”, морякомъ — когда писалъ “Океанъ”.

Поэтому о немъ существуетъ столько разнорѣчивыхъ сужденій. Одни говорили: онъ чванный. Другіе: онъ душа на распахку. Иной, пріѣзжая къ нему, за-

ставалъ его въ роли “Саввы”. Иной натыкался на студента изъ комедіи “Дни нашей жизни”. Иной — на пирата Хорре. И каждый думалъ, что это Андреевъ. Забывали, что передъ ними художникъ, который носить въ себѣ сотни личинъ, который искренне, съ беззавѣтной убѣжденностью считаетъ каждую свою личину — лицомъ.

Было очень много Андреевыхъ, и каждый былъ настоящимъ.

Смерть была его любимая тема. Слово смерть онъ произносилъ особенно — очень выпукло и чувственно: с м е р т ь. — какъ нѣкоторые страстолюбцы слово: женщина. Тутъ у Андреева былъ великій талантъ, — онъ умѣлъ бояться смерти, какъ никто. Бояться смерти дѣло не легкое: многіе пробуютъ, но у нихъ ничего не выходитъ; Андрееву оно удавалось отлично: тутъ было истинное его призваніе: испытывать смертельный отчаянный ужасъ. Этотъ ужасъ чувствуется во всѣхъ его книгахъ, и я думаю, что именно этого ужаса онъ инстинктивно опасался, хватаясь за пѣтную фотографію, граммофоны, живонись... Ему нужно было хоть чѣмъ-нибудь загородиться отъ тошнотворныхъ приливовъ отчаянія. Въ страшные послѣ-революціонные годы, когда въ Россіи свирѣпетовала эпидемія самоубійствъ, Андреевъ, противъ воли, сталъ какъ бы вождемъ и апостоломъ этихъ уходящихъ изъ жизни людей. Они чуяли въ немъ своего. Помню, онъ показывалъ мнѣ цѣлую коллекцію предсмертныхъ записокъ, адресованныхъ ему самоубійцами. Очевидно, у тѣхъ установился обычай: прежде чѣмъ кончить съ собой, послать письмо Леониду Андрееву.

Иногда это казалось страннымъ. Иногда, глядя на него, какъ онъ хозяйскимъ, увѣреннымъ шагомъ гуляетъ у себя во дворѣ, среди барскихъ конюшенъ и службъ, въ сопровожденіи Тюхи, великолѣпнаго пса. — или какъ въ бархатной курткѣ, онъ позируетъ передъ зафазжимъ фотографомъ, вы не вѣрили, чтобы этотъ человекъ могъ носить въ себѣ трагическое чувство вѣчности, небытія, ханса, міровой пустоты. Но духъ дышетъ, гдѣ хочетъ. — и этимъ чувствомъ міровой пустоты была насыщена вся жизнь Андреева. Это чувство

придавало его творчеству своеобразный философский колоритъ, ибо невозможно всю жизнь думать о міровой пустотѣ и о вѣчности, и не стать въ концѣ концовъ, метафизикомъ.

Въ томъ то и заключалась особенность его писательской личности, что онъ, — плохо ли, хорошо ли, — всегда въ своихъ книгахъ касался извѣчныхъ вопросовъ, метафизическихъ, трансцендентныхъ темъ. Другія темы не волновали его. Та литературная группа, среди которой онъ случайно оказался въ началѣ своего писательскаго поприща: Горькій, Чириковъ, Скиталець, Купринъ, — была внутренне чужда Леониду Андрееву. То были бытописатели, бытовики, волнуемые вопросами быта, а не бытія, а онъ среди нихъ былъ единственный, кто задумался о вѣчномъ и трагичномъ. Онъ — трагикъ по самому своему существу, и весь его экстатическій, чисто театральный, эффектный талантъ, влекущійся къ помпезному стилю, къ грандіознымъ преувеличеннымъ формамъ, былъ лучше всего приспособленъ для метафизико-трагическихъ сюжетовъ.

Что сказать о самомъ главномъ — объ его творчествѣ? Объ его творчествѣ мы знаемъ такъ мало. Писалъ онъ почти всегда ночью, — я не помню ни одной вещи, которая была бы написана днемъ. Написавъ и напечатавъ свою вещь, онъ становился къ ней странно равнодушенъ, словно пресытился ею; не думалъ о ней. Онъ умѣлъ отдаваться лишь той, которая еще не написана. Когда онъ писалъ какую-нибудь повѣсть или пьесу, онъ могъ говорить лишь о ней; ему казалось, что она будетъ лучшее, величайшее, неповторенное его произведеніе. Онъ ревновалъ ее ко всѣмъ своимъ прежнимъ вещамъ. Онъ обижался, если вамъ нравилось то, что было имъ написано лѣтъ десять назадъ.

Передѣлывать написанное онъ не умѣлъ; вкуса у него было гораздо меньше, чѣмъ таланта. Его произведенія по самому существу своему были экспромтомъ. Когда онъ былъ охваченъ какой-нибудь темой, всякая ничтожная мелочь вовлекалась имъ въ кругъ этой темы. Я помню, какъ, пріѣхавъ однажды въ Куоккалу ночью, онъ взялъ извозчика и заплатилъ ему рубль. Финляндецъ обидѣлся и сказалъ съ упрямымъ лаконизмомъ:

— Мнѣ не надо рубль!

Андреевъ прибавилъ финляндцу полтинникъ, и черезъ нѣсколько дней въ “Повѣсти о семи повѣшенныхъ” появился мутноглазый Янсонъ, упрямо повторяющій судьямъ:

— Меня не надо вѣшать!.. Меня не надо вѣшать!..

Незначительный эпизодъ съ пзвозчикомъ превратился въ центральное, эффектное мѣсто театрально-патетической повѣсти. Такое умѣніе придавать неожиданную, художественную цѣнность тому, что казалось ничтожнымъ и мелкимъ, всегда было сильной стороною Андреева.

Однажды ему попалась газета “Одесскія Новости”, гдѣ извѣстный авіаторъ Уточкинъ, описывая свой полетъ, говорилъ:

— При закатѣ солнца наша тюрьма необыкновенно прекрасна.

Такое любованіе “нашей тюрьмой” очень поразило Андреева, и черезъ нѣсколько дней онъ уже писалъ свою знаменитую повѣсть “Мои Записки” о человѣкѣ, полюбившемъ свою тюрьму, — и закончилъ ее тѣми же словами:

— При закатѣ солнца наша тюрьма необыкновенно прекрасна! — причемъ придалъ этимъ словамъ неожиданный грандіозный, метафизическій смыслъ.

“Вѣстникъ Литературы”, 1920 г.

Н. Р е р и х ъ .

Памяти Леонида Андреева.

... Лицо его сильно измѣнилось. Оно потемнѣло, сдѣлалось коричневато - бронзовымъ, носъ заострился; глаза, хотя и не потеряли живость взгляда, но сдѣлались еще болѣе глубокими (много знающими). Волосы длинными черными прядями низко спускались на шею. Подлинный ликъ индусскаго мудреца, хранящаго тайны. Такимъ я встрѣтилъ Андреева въ октябрѣ 1918 года, когда послѣ дѣлаго года жизни въ Финляндіи намъ удалось сойтись. Сердечные припадки у Л. Н. еще не начинались. (Они начались въ декабрѣ). Онъ горѣлъ, онъ весь горѣлъ той же священной мыслью, съ которой онъ скончался 12-го сентября 1919 года въ Мустамякахъ. Мысль эта была — раскрыть человѣчеству весь ужасъ большевизма въ его современныхъ границахъ. Свободолюбивый, глубокий своими мыслями, Л. Н. понималъ, что сейчасъ борьба ведется не только штыками, но и словомъ, широкою пропагандою, около которой во имя и с т и н н о й к у л ь т у р ы должно объединиться все разумное. Напитанный противорѣчіями жизни, онъ слагалъ свои свѣтлые призывы человѣчеству, изъ которыхъ одинъ "S. O. S." уже вошелъ въ жизнь, а также работалъ надъ большимъ романомъ: "Дневникъ Сатаны", который, повидимому, такъ и остался безъ окончательной корректуры. Въ Турсевѣ, гдѣ онъ жилъ тогда, съ берега въ бинокль виденъ Кронштадтъ, почти видна Красная Горка; и каждая изъ безчисленныхъ непонятныхъ перестрѣлокъ въ этихъ пунктахъ вызывала у Леонида Андреева вопросъ: "А вдругъ это послѣдняя Каинова минута?"

Повидимому, большевистскія бомбы въ концѣ августа и въ началѣ сентября окончательно разбили его

больное, изнемогающее въ тоскѣ по родинѣ сердце Или была иная трагедія?

Передо мною лежитъ цѣлый рядъ писемъ Леонида Андреева, присланныхъ мнѣ имъ въ Финляндію, затѣмъ въ Швецію и Англію. Пусть о трагедіи русскаго незабываемаго писателя и патріота расскажутъ его собственныя письма и въ особенности его послѣднее письмо, которое для меня уже явилось посмертнымъ. Въ этомъ письмѣ онъ уже зналъ, что создалась, наконецъ возможность поѣздки его въ Англію и о согласіи англичанъ перевезти его съ семьєю на военномъ суднѣ...

“23-го августа, 1919.

Вотъ три пути, которые сейчасъ открываются передо мною — это жизнь. Одинъ — “я беру на себя цѣликомъ” все дѣло анти-большевистской пропаганды, какъ я писалъ и предлагалъ Карташову и другимъ, и вступаю въ здѣшнее правительство съ портфелемъ министра пропаганды и печати. Понимаете: все цѣликомъ! Организацию во всей ея огромности помимо собственнаго писанія. Живу, значить, либо въ Ревелѣ, либо гдѣ придется, ѣзжу взадъ и впередъ, цѣлые дни разговариваю, ищу и настраиваю людей, а ночью пишу, борюсь съ инерціей и слабодушіемъ. Трудъ, который только подъ силу желѣзному здоровью, а я боленъ, боленъ. При этомъ получаю я гроши, на которые не могу прожить съ семьей, мучительно продолжаю искать кредита, ухлопываю послѣдніе остатки силъ — а впереди болѣзнь, необеспеченность, бессонныя ночи, пріютъ литераторовъ. Но долгъ обязываетъ работать для Россіи и вотъ завтра я ѣду въ Гельсингфорсъ добиваться того, что есть мой несомнѣнный конецъ, какъ художника и живой твари. Говорю: ѣду, а сердце опять такъ плохо, что вчера еле передвигался изъ комнаты въ комнату. Говорю: добиваться, а языкъ отъ слабости еле поворачивается, чтобы попросить стаканъ чаю.

Второй путь. Не добившись толку въ Гельсингфорсѣ, ѣду въ Америку. Тамъ читаю лекціи противъ большевиковъ, разъѣзжаю по штатамъ, ставлю свои пьесы, продаю издателямъ “Дневникъ Сатаны” и миллардеромъ возвращаюсь въ Россію для безпечальной маститой старости. Это уже лучше. Поѣздка можетъ быть неудачною (я боленъ и сваливаюсь послѣ первой лекціи или американцы просто не хотятъ слушать ме-

ня), но она может, при счастливо сложившихся обстоятельствах, превратиться и въ “триумфальное шествіе”: увижу людей, которые любятъ меня, получаю импульсы къ новой художественной работѣ и, уврачевавъ душу, можетъ быть, подтяну и тѣло, которое у меня всегда плетется сзади. Америка! Но какъ добраться до нея? Гдѣ найти добраго и щедраго импрессарио, не мошенника? Какъ прожить это время, пока таковой найдется? Гдѣ добыть денегъ, чтобы хоть обезпечить семью на время отъѣзда? Я хочу ѣхать съ женой и маленькимъ сынишкой, остальное здѣсь.

У меня украли штаны, сапоги — какъ соорудить новые и какого они должны быть фасона для Америки. Все это вопросы серьезные и ничтожные, во всякомъ случаѣ пустые для разумнаго и практичнаго человѣка — для меня сплошь проклятые, сплошь неразрѣшимые вопросы — ахъ до чего я младенчески безпомощенъ въ жизни, только теперь это вижу. А сегодня день моего рожденія: ровно сорокъ восемь лѣтъ хожу я по землѣ и такъ мало приспособился къ ея порядкамъ.

И третій, наиболѣе вѣроятный путь — это больница. Но эта дорога такъ мрачна и вообще я тутъ подхожу къ такимъ мыслямъ и рѣшеніямъ, что лучше остановиться.

А что значить работать совѣмъ противъ совѣсти, показывать Горькій; въ послѣднемъ номерѣ “Либератора”, большевистскаго американскаго журналчика, почему-то мнѣ присылаемаго, есть его статья “Слѣдуйте за нами”, т. е. за Совѣтской Россіей и ея мудростью — и что это за жалкая, убого-бездарная, ничтожная статья! Когда поэтъ и пророкъ начинаетъ лгать, Богъ караетъ его безсиліемъ — таковъ законъ вѣчной справедливости.

Ночь и надо укладываться къ затрашнему вояжу. А за окнами надъ темнымъ моремъ, — я живу у самаго моря, — по бурному пебу бродятъ прожектора, а вчера на разсвѣтѣ въ блѣдно-голубомъ небѣ въ средѣ меркнувшихъ звѣздъ я слышалъ гуденіе аэроплана и видѣлъ двѣ яркія красныя вспышки разрывовъ; какъ онѣ были красивы, и красиво блѣдное небо въ его предутренней свѣжести и покоѣ, и какъ тому, кто леталъ, казалась удивительною земля и море, и какъ все это хорошо — хорошо жить, — летать, — видѣть разсвѣтныя звѣзды”.

“Всѣ мои несчастья сводятся къ одному: нѣтъ дома. Былъ прежде маленькій домъ: дача и Финляндія, съ которыми жилъ: наступить бывало осень, потемнѣютъ ночи — и съ радостью думаешь о теплѣ, свѣтѣ, кабинетѣ, сохраняющемъ слѣды десятлѣтней работы и мысли. Или изъ города съ радостью бѣжишь домой въ тишину и свое. Былъ и большой домъ: Россія съ ея могучей опорой, силами и просторомъ. Былъ и самый просторный домъ мой: искусство — творчество, куда уходила душа. И все пропало. Вмѣсто маленькаго дома — холодная, промерзлая, обворованная дача съ выбитыми стеклами, а кругомъ — чужая и враждебная Финляндія. Нѣтъ Россіи. Нѣтъ и творчества. Какъ кандалы, всюду волочу за собою большевика и тоску. Статьи — не творчество. И такъ жутко пусто и страшно мнѣ безъ моего царства, и словно потерялъ я всякую защиту отъ міра. И некуда прятаться ни отъ осеннихъ почей, ни отъ печали, ни отъ болѣзни. Изгнанникъ трижды: изъ дома, изъ Россіи и изъ творчества, я страшнѣе всего ощущаю для себя потерю послѣдняго, испытываю тоску по “беллетристичѣ”, подобную тоскѣ по Родинѣ. И не въ томъ дѣло, что мнѣ некогда писать или я нездоровъ — вздоръ! а просто вмѣстѣ съ гибнущей Россіей ушло, куда то дѣвалось, пропало то, что было творчествомъ. Какъ зарница мигаютъ безмолвныя отраженія далекихъ грозъ, а самой грозы съ ея жизнью — нѣтъ. Прочтешь что нибудь свое старое и удивляешься: какъ это я могъ? откуда приходило въ голову? Ну, завтра буду о дѣлѣ, а сейчасъ разболтался. О “Черныхъ Маскахъ”. Только въ дни революціи я понялъ, что это не только трагедія личности, а и трагедія дѣлой революціи, ея подлинный печальный ликъ. Вотъ она, Революція, зажегшая огни среди мрака и ждущая званныхъ на свой пиръ. Вотъ она, окруженная званными... или незванными? Кто эти маски? Черновы? Ленины? Но они еще знаютъ Сатану. А вотъ и онѣ, частицы великой человѣческой мглы, отъ которыхъ гаснутъ свѣтильники. Ползутъ отовсюду, свѣтъ имъ не свѣтитъ, огонь ихъ не согрѣваетъ и даже Сатаны они еще не знаютъ. Черныя Маски. И гибель благороднаго Лоренцо. Да! можно, пользуясь цитатами, провести полную аналогію. И какъ это слу-

чилось, что трагедія личности, какою была задумана эта пьеса, стала трагедіей исторіи Революціи. Тутъ много интереснаго...”

* * *

Три дома, трижды изгнанникъ — вотъ истинная трагедія русскаго человѣка и въ особенности русскаго художника. Путь Голгофы какъ-то фатально неизбеженъ въ жизни художника, а Русскаго въ особенности, и этимъ путемъ Голгофы прошелъ и Леонидъ Андреевъ.

Онъ теперь нашелъ свѣтлую келью, гдѣ онъ могъ бы собраться съ мыслями о мірѣ. Но для насъ оставшихся, потеря его гораздо незамѣнимѣе, нежели это можетъ казаться, и грозные, эпически пророческіе видѣнія и образы Андреева только теперь будутъ поражать человѣчество и вызывать вѣчный вопросъ, откуда же пришло все это?

Тонкій рядъ русскихъ работниковъ культуры еще предстоитъ.

Разбилось еще одно прекрасное сердце, знавшее что такое Великая Россія.

Ушелъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые при будущемъ подборѣ цѣнныхъ силъ Россіи такъ безмѣрно пужны. Сейчасъ, когда вѣспартійно, когда космически широко, надо умѣть мыслить во имя истинной культуры, какъ нуженъ каждый работникъ, появившій что за предѣлами брюха существуютъ красота и мудрость. То, на чемъ построится будущая жизнь.

1920 г.

Ив. Бунинъ.

ПѢСНИ.

I.

— Дай мнѣ, бабка, зелій приворотныхъ,
Сердцу пѣсень прежнихъ, беззаботныхъ,
Отдыха глазамъ.

— Милый внучекъ, рада бѣ, да не въ силахъ!
Зелья тѣ цвѣтутъ не по лѣсамъ,
А въ сырыхъ могилахъ.

II.

Тамъ не свѣтитъ солнце, не бываетъ ночи,
Но восходятъ зори,
За гранитнымъ полемъ грозно блещетъ въ очи
Смоляное море.

Надъ его ли зыбью, подъ великой тучей,
Мечется зарница,
А на бѣломъ камнѣ, на скалѣ горячей —
Дивная орлица:

Плещется крылами, красными, какъ пламень,
Въ этомъ морѣ дикомъ,
Все кого то кличетъ и о бѣлый камень
Бьется съ лютымъ крикомъ.

III.

На поморіи далекомъ,
Въ полѣ, ровномъ и широкомъ,
Бѣлый макъ цвѣтетъ,

И надъ пряхою дѣвицей
Въ небѣ мѣсяць блѣднолицый
Свѣтитъ въ свой чередъ.

А дѣвица нитку сучить,
Сердце сонной грезой мучить
Да глядитъ впередъ,
Гдѣ до моря-океана,
До полночнаго тумана
Бѣлый манъ цвѣтеть.

“Рудъ”, 1920 г.

1.

К и т е ж ь .

1.

Вся Русь костерь. Неугасимый пламень
Изъ края въ край, изъ вѣка въ вѣкъ
Гудить, реветь... и треснается камень,
И каждый факель — человекъ.
Не сами-ль мы, подобно нашимъ предкамъ,
Пустили паль? А ураганъ
Раздулъ его, и тонуть въ дымѣ ѣдномъ
Лѣса и села огнищанъ.
Ни Сергіевъ, ни Оптина, ни Саровъ
Народный не уймуть костерь.
Они уйдутъ, спасаясь отъ пожаровъ,
На дно серебряныхъ озеръ.
Такъ отданная на потокъ татарамъ
Святая Кіевская Русь
Ушла съ земли, укрывшись Свѣтлояромъ.
Но отъ огня не отрелусь.
Я самъ огонь. Мятажь въ моей природѣ.
Но цѣль и грань нужны ему.
Не въ первый разъ, мечтаю о свободѣ,
Мы строимъ новую тюрьму.
Ахъ, внѣ Москвы, внѣ нашей душной плоти,
Внѣ воли мѣднаго Петра
Намъ нѣтъ дорогъ. Насъ водить на болотъ
Огней бѣсовская игра.
Святая Русь покрыта Русью грѣшной,
И нѣтъ въ тотъ Градъ путей,
Куда зоветъ призывный и нездѣшній
Подводный благовѣстъ церковей.

II.

Усобицы кромсали Русь ножами;
 Скупья дѣти Калиты
 Неправдами, насильемъ, правежами
 Ея собирали лоскуты.
 Въ тиши ночей звѣздяныхъ и морозныхъ,
 Какъ лютый крестовикъ-паукъ,
 Москва прядла при Темныхъ и при Грозныхъ
 Свой тѣсный, безысходный кругъ;
 Здѣсь правилъ всѣмъ извѣтчикъ и наушникъ,
 И былъ свирѣлъ и строгъ
 Московскій "князь" — постельничій и клошникъ
 У Господа — помилуй Богъ!
 Гнѣздо бояръ, юродивыхъ, смиренницъ,
 Дворецъ, тюрьма и монастырь,
 Гдѣ двадцать лѣтъ зарѣзанный младенецъ
 Чертилъ круги, какъ нетопырь;
 Ломая кость, вытягивая жилы,
 Московскій строился престолъ,
 Когда отродѣ Кошки и Кобылы
 Пожарскій царствовать привель.
 Антихристъ-Петръ распаренную глыбу
 Собралъ, стянулъ и раскачалъ,
 Остригъ, обрилъ, и, вздернувши на дыбу,
 Наукамъ книжнымъ обучалъ;
 Имперія, оставивъ нору кротью,
 Высиживалась изъ яиць
 Подъ жаркой коронованною плотью
 Своихъ пяти императриць.
 И стала Русь чужой, и чинной, мерзкой.
 Штыковъ сіяньемъ озаренъ,
 Въ смѣси кровей Гольштинской съ Вюртенбургской
 Отстаивался Русскій тронъ.
 И вырвались со свистомъ изъ-подъ трона
 Клубящіяся пламена:
 На свѣтъ изъ тьмы, на волю изъ полона —
 Безумья страсти, племена.
 Анаемъ церкви одолѣвъ оковы,
 Повоскресали изъ гробовъ
 Мазепы, Разины и Пугачевы,
 Страшилища иныхъ вѣковъ.
 Но и теперь, какъ въ дни былыхъ паденій,

Вся омраченная въ крови,
Осталась ты землю изступлений,
Землей взыскующей любви.

III.

Они пройдут расплавленные годы
Народныхъ бурь и мятежей:
Вчерашній рабъ, уставшій отъ свободы,
Возропцетъ, требуя цѣлей.
Построить вновь казармы и остроги,
Воздвигнетъ сломанный престоль,
А самъ уйдетъ молчать въ свои берлоги,
Работать на поляхъ, какъ воль.
И, отрезвясь отъ крови и угара,
Цареву радуясь бичу,
Отъ угольевъ погасшаго пожара
Затеплить яркую свѣчу.
Молитесь же! Терпите же! Примите-жъ
На плечи — крестъ, на выю — тронъ!
На днѣ души гудитъ подводный Китежъ —
Нашъ неосуществимый сонъ!

2.

Неопалимая купина.

Кто ты, Россія. Миражъ. Навожденье.
Была ли ты, есть, или нѣтъ.
Омутъ, стремнина... головокруженье...
Бездна... Безуміе... Бредъ...

Все виѣразумное необычайно...
Взмахи побѣдъ и разрухъ...
Мысль замираетъ предъ вѣщею тайной
И ужасается духъ.

Каждый коснувшійся дерзкой рукою
Молніей пораженъ.
Карль подъ Полтавой. Ужалень Москвою
Падаеть Наполеонъ.

Помню квадратныя спины и плечи
Грузныхъ германскихъ солдатъ.
Годъ... и въ Германіи русское вѣче, —
Красные флаги кипятъ.

Кто тамъ. Французы. Не суйся, товарищъ,
Въ русскую водоверть...
Не прикасайся до нашихъ пожарищъ, —
Прикосновеніе — смерть!

Рѣки вздувають безмѣрныя воды,
Стонеть въ равнинахъ метель,
Бродить въ точилѣ, качаетъ народы
Русскій разымчивый хмель.

Мы зараженные совѣстью: въ каждомъ
Стенькѣ — Святой Серафимъ.
Отденный тѣмъ же похмельямъ и жаждамъ,
Тою же волей томимъ.

Мы погибаемъ не умирая,
Духъ обнажаемъ до дна...
Дивное диво, — горить не сгорая,
Неопалимая купина!

3.

Святая Русь.

Суздаль и Москва не для тебя ли
По удѣламъ землю собирали,
Да тугую золотомъ суму —
Въ рундукахъ приданое копили
И тебя невѣстою растили
Въ расписномъ да тѣсномъ терему?

Не тебѣ ли на рѣчныхъ истокахъ
Плотникъ-Царь построилъ домъ широко,
Окнами на пять земныхъ морей?
Изъ невѣсть красой, да силой бранной
Не была ль ты самую желанной
Для заморскихъ княжихъ сыновей?

Но тебѣ сыздѣства были любы
По лѣсамъ глубонихъ снитовъ срубы,
По степямъ — кочевья безъ дорогъ.
Вольныя раздолья, да вериги,
Самозванцы, воры, да разстриги,
Соловьинный посвистъ, да острогъ.

Быть царевой ты не захотѣла.
Ужъ такое подвернулось дѣло —
Врагъ шепталъ: “Развѣй да расточи,
Ты отдай казну свою — богатымъ,
Власть — холопамъ, силу — супостатамъ,
Смердамъ — честь, измѣнникамъ — ключи».

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла усадьбы и хлѣба,
Разорила древнее жилище,
И пошла поруганной и нищей
И рабой послѣдняго раба.

Я ль въ тебя посмѣю бросить камень,
Осужу ль страстной и буйный пламень,
Въ грязь лицомъ тебѣ ль не поклонюсь?
Слѣдъ босой ноги благословляя — —
Ты — — бездомная, гулящая, хмѣльная,
Во Христъ юродивая Русь!

“Объединеніе”, 1919 г.

Мих. О.

Заплаканнымъ глазамъ.

Надъ тишиной нѣмыхъ равнинъ,
Гдѣ только колоколь одинъ
Тревожилъ тѣни предвечеря,
Взметнулся красный скопъ огня
И вѣтеръ, плача и звеня
Колелетъ огненные перья.

На необъятность сочныхъ нивъ
Ложится зарева отливъ.
Невыразимая тревога
На всемъ, что знало лишь поной.
Какъ скорбны вербы за рѣкой,
Какъ грустно стелется дорога!..

Изъ края въ край родной земли
Пути кровавые легли,
А тамъ, гдѣ сѣрия деревни,
Какъ пепель пусты и мертвы,
Вѣнокъ изъ высушенной травы
Сплетааетъ смерть на крышахъ дровнихъ.

Какъ много скорбнаго сейчасъ
Въ тревожномъ взглядѣ женскихъ глазъ.
Тамъ далеко растутъ могилы.
Пусть живъ любимый и родной —
Тревога смерти пеленой
Туманить все же образъ милый.

Судьба сомкнула черный кругъ
У безмятежныхъ изголовій.
И столько горя, слезъ вокругъ,
И столько яркой, алой крови...

1919 г.

Борись Соколовъ.

Литература и наука въ совѣтской Россіи.

1. ЛИТЕРАТУРА.

“Ближайшія перспективы издательства въ Петроградѣ и Москвѣ весьма не радужнаго свойства: онѣ знаменуютъ собою начало конца”.

“Даже государственное издательство не имѣетъ достаточно запасовъ бумаги для удовлетворенія своихъ нуждъ на ближайшее полугодіе”.

“Еще въ худшемъ положеніи находятся другія правительственныя издательства, какъ напримѣръ, “Всемирная Литература” и др.”.

“Все указываетъ на то, что мы вступаемъ въ послѣднюю стадію въ издательскомъ дѣлѣ, знаменующую начало его конца”.

Такъ пишетъ Петроградскій Вѣстникъ Литературы. И прежде, чѣмъ остановиться на разборѣ вышедшихъ за послѣднее время книгъ, на обрисовкѣ литературныхъ теченій, я хочу показать состояніе техническое книжнаго издательства въ совѣтской Россіи.

Издательское дѣло въ Петроградѣ.

Причины, обуславливающія издательскій кризисъ въ Россіи, лежатъ въ общемъ тяжеломъ положеніи, въ которомъ находится россійская промышленность и въ частности типографская ея отрасль: низкая производительность типографскаго труда, отсутствіе бумаги, типографскихъ красокъ, проволоки, крахмала и т. д. Часто приходится замѣнять отсутствующіе матеріалы имѣющимися, но недостаточно доброкачественными, нѣкоторыя книги отпечатаны на такой плохой бумагѣ, что

иногда думаешь, — не лучше ли и совѣзмъ имъ не появляться въ свѣтъ въ такомъ видѣ.

Между тѣмъ потребность въ книгѣ очень велика и ея потребность мирится съ дурной бумагой и съ тѣмъ, что большинство книгъ выпускается не перешитыми, за отсутствіемъ проволоки и съ недостаточно четкой печатью, получающейся изъ-за плохой краски и отсутствія смывочныхъ матеріаловъ.

Ознакомимся теперь съ тѣми общими условіями, которыя оказали вліяніе на наше издательское дѣло. въ смыслѣ вздорожанія книги.

Въ теченіе 1919 и 1920 гг. произошелъ рядъ повышеній расцѣнокъ типографскихъ и брошюровочныхъ работъ. Для примѣра беремъ только стоимость набора и брошюровки въ разное время:

Наборъ 1000 буквъ: въ 1914 г. — 40 к., 1-го янв. 1919 г. — 25 рублей, 1-го октября 1919 г. — 83 руб. 15 коп., 1-го мая 1920 г. — 183 руб. 15 коп.

Брошюровка 1000 листовъ въ 3 сгиба: въ 1914 г. — 1 рубль, 1-го января 1919 г. — 113 руб., 1 окт. 1919 г. — 373 руб. 93 коп., 1-го мая 1920 г. — 822 руб. 64 коп.

Иначе, увеличеніе въ 500-800 разъ.

Бумага, изготовленная на націонализированныхъ писчебумажныхъ фабрикахъ поступаетъ въ распоряженіе Главбума (глав. бумаги). Но такъ какъ Главбумъ почти всегда отказываетъ частнымъ издательствамъ, то послѣднимъ приходится приобрѣтать бумагу по “вольнымъ цѣнамъ”, кои дошли теперь до сказочныхъ цѣнъ 150 рублей за фунтъ (противъ 8 коп. за фунтъ въ 1915 году).

Въ итогъ видно, что вздорожаніе изданія книги приблизительно въ тысячу разъ.

Теперь перейдемъ къ знакомству съ современными издательствами.

Крупнѣйшимъ издательствомъ въ Россіи, несомнѣнно, является Государственное (Петроградское отд.), которое было создано во второе полугодіе 1919 г., путемъ сліянія уже существующихъ довольно крупныхъ издательскихъ единицъ: Издат. Петроградскаго Совѣта, литературно-издательскаго отдѣла, наркомпресса и сельско-хозяйственнаго издательства Паркомзема.

Фактическое объединеніе произошло лишь къ 1-му

декабрю 1919 года. Посмотримъ теперь, какова дѣятельность государственныхъ издательствъ за 6 мѣсяцевъ, т. е. до 1-го іюня 1920 года.

Цифровыя данныя технической части государственнаго издательства говорятъ, что за 6 мѣсяцевъ выпущено 246 названій книгъ, брошюръ, въ количествѣ свыше 9 съ половиною миллионъ экземпляровъ, на сумму 165 милл. рублей. Израсходовано бумаги 170.000 пудовъ.

Дѣятельность издательства и въ настоящее время очень широка: на 1-ое іюня состояло въ работѣ свыше 350 названій. Къ сожалѣнію, запасы бумаги Государственнаго Издательства не превышаютъ и одной трети нужнаго количества бумаги.

Кромѣ государственнаго издательства слѣдуетъ указать и на нѣкоторые другія правительственныя издательства, сохранившія свою автономію. Среди нихъ "Всемирная Литература", во главѣ которой стоитъ М. Горькій, выпустившая за время своего существованія 51 названій книгъ въ количествѣ 848.000 экз. на сумму 15.940.000 руб.

Изъ частныхъ издательствъ, выпустившихъ отъ 10 до 25 названій, можно назвать: "Книга", "Огни", "Колосъ", "Наука и Школа", "Антей", "Школа и Жизнь", "Образованіе" и "Сотрудничество".

Если произвести общій подсчетъ количества выпущенныхъ экземпляровъ всѣми издательствами Петрограда, то на государственное издательство падетъ 89-90 процентовъ, а на всѣ остальные 10-11 процентовъ, т. е. казенными выпущено за годъ 14.500.000 экз., общественными и частными 1.500.000 экз.

Каковы же ближайшія перспективы издательскаго дѣла?

Для общественныхъ и частныхъ издательствъ — постепенное вымираніе изъ-за отсутствія бумаги.

Для правительственныхъ издательствъ, — изъ-за бумаги положеніе тоже становится критическимъ.

Какъ мѣру борьбы съ бумажнымъ голодомъ, правительство не нашло ничего лучшаго, какъ "милитаризовать" бумажную промышленность, нѣкоторыя типографіи и само государственное издательство.

Изъ сказаннаго въ этой главѣ можно сдѣлать слѣдующіе выводы: въ совѣтской Россіи ясно выражена у

правления тенденція поглотить частныя издательства, воплотивъ все въ правительственномъ издательствѣ.

На ряду съ ликвидаціей свободы слова и печати энергично проводится ликвидація свободы изданія.

Литературныя теченія и настроенія.

Все то, что напечатано въ 1919-1920 гг. въ Россіи, все то, что читалось на литературныхъ собраніяхъ и вечерахъ, все это говоритъ, что русская литература, такъ же какъ и издательское дѣло переживаетъ кризисъ. не бумажный, не типографскій, не проволочный, а настоящій душевный, психологическій, но для того, чтобы былъ яснѣй этотъ кризисъ надо остановиться на настроеніяхъ російской интеллигенціи, на отношеніи послѣдней къ совѣтской власти.

Это отношеніе съ самаго начала, съ октябрьскаго переворота, было рѣзко отрицательное. По мотивамъ отнюдь не политическимъ, а скорѣе всего и больше всего психологическимъ.

Большевики, — совѣтская власть, — дѣлала видъ, что хотѣла бы примириться съ интеллигенціей, съ той самой, которую большевики обливали грязью, называли предателями, кричали: “долой”.

Интеллигенція, — это было начало 1919г., — была склонна пойти на полупримиренье, но скоро увидѣла, что это была ловушка, неискренность.

Ибо репрессіи продолжались съ прежнимъ темпомъ. Только теперь измѣнилась тактика.

“Интеллигенцію надо приручить голодомъ”.

“Дать поѣсть, отпить, снова покормить, тогда она скоро станетъ послушной”. (Изъ рѣчи Зиновьева).

И не мудрено, что въ серединѣ настоящаго 1920 г. интеллигенція въ общей своей массѣ попрежнему оппозиционно настроена къ совѣтской власти, попрежнему непримирима.

Это отношеніе интеллигенціи сказывается и на литературѣ. Общая масса литераторовъ не пишетъ въ официальной совѣтской прессѣ.

Закрытие частныхъ издательствъ ставитъ российскихъ литераторовъ прямо таки въ безвыходное поло-

женіе. Они принуждены искать заработка не въ литературѣ.

Въ результатѣ русская литература переживаетъ большой и серьезный кризисъ.

Всѣхъ писателей можно раздѣлить прежде всего на двѣ группы: одна, очень маленькая, ничтожная и по качеству и количеству, это совѣтскіе писатели.

Другая, включающая всю массу російскихъ литераторовъ, изъ коихъ добрая половина перекочевала изъ Россіи за границу, не-совѣтскіе писатели.

Разобрать въ отдѣльности ту и другую группу я и постараюсь. Впрочемъ, нѣкоторые изъ писателей, причисляемые общественнымъ мнѣніемъ къ совѣтскимъ, упорно отрекаются отъ этого эпитета, среди нихъ и Максимъ Горькій. Но о немъ послѣ...

Совѣтскіе писатели.

Совѣтская изящная литература за три года своего существованія пережила нѣсколько увлеченій, увлеченій, которыя поддерживались и субсидировались “сверху”. Но приходили “новыя” настроенія “наверху”, и прежніе любимцы впадали въ опалу. Ихъ переставали субсидировать, переставали ихъ издавать и переставали о нихъ говорить.

Въ началѣ официальнымъ совѣтскимъ искусствомъ считался “футуризмъ”. Московскіе и петроградскіе футуристы, поэты (и художники) были въ фаворѣ. Маяковскій и многіе другіе, чьи имена теперь забыты, шумѣли.

Ихъ стихо-поэмы печатались...

Ихъ криво-эскизы издавались...

Они широко и много субсидировались...

Но это увлеченіе быстро, очень быстро миновало. Уже въ 1918 году Каменевъ въ Московскомъ Совдепѣ громилъ Наркомпросъ за покровительство футуристамъ, называя это

“Буржуазной выдумкой”,

“капиталистической игрушкой”.

И съ 1919 года футуристическія произведенія перестали издаваться, ихъ перестали печатать.

Въ нѣкоторой модѣ остались только футуристы художники, кои имѣютъ сильную руку въ художествен-

номъ отдѣлѣ Наркомпроса, поэтому ихъ картины покупаются...

Ихъ картины выставляются въ музеяхъ...

Имъ хорошо платятъ...

Но и ихъ пѣсенка тоже слѣта.

На смѣну футуризму пришло новое увлеченіе “пролетарскими писателями”.

Вся русская литература и поэзія была признана контр-революціонной, пропитанной буржуазными тенденціями и настроеніями.

Начали искать истинныхъ революціонныхъ, пролетарско-настроенныхъ писателей и поэтовъ.

Искать и культивировать.

Для этого было создано особое учрежденіе, имѣвшее огромный кредитъ и всюду по Россіи филиальныя отдѣленія, “Пролеткультъ”.

Конецъ 1918 и начало 1919 года прошли подъ этимъ флагомъ. Былъ изданъ рядъ изданій “истинныхъ пролетарскихъ писателей”, среди нихъ сборники

Самобытника,

Демьяна Бѣднаго,

Александровскаго,

Н. Клюева.

Но очень скоро выяснилось, что пролетарскіе писатели совершенно лишены творческаго таланта. Если не считать Н. Клюева, который былъ еще извѣстенъ въ 1914-1915 гг. и который открепивается обѣими руками отъ званія “пролеткультуриста”, то остальная масса оказывается лишенной даже “революціоннаго творческаго импульса”.

Или, какъ выразился Луначарскій на одномъ диспутѣ о пролет-поэзіи: “Наши пролетарскіе поэты производятъ впечатлѣніе недоношенныхъ, незаконнорожденныхъ, простите за выраженіе, дефѣктивныхъ дѣтей”.

Увлеченіе пролеткультомъ было кончено. Самое учрежденіе было полузакрыто. Кредиты отняты, а пролетарскіе писатели перестали издаваться.

Они мирно возвратились къ своимъ исходнымъ занятіямъ, въ большинствѣ конторщикова и писарей. Последнимъ сборникомъ пролетарскихъ писателей, вышедшимъ уже въ 1920 г. и являющимся, вѣроятно, однимъ изъ послѣднихъ, есть журналъ “Кузница”, органъ

пролетарскихъ писателей. Книга одѣта въ ярко-красную обложку, съ огненнымъ рабочимъ, разбивающимъ огненнымъ молоткомъ цѣпи на земномъ шарѣ.

Я приведу нѣсколько стихотвореній, дабы былъ яснѣе характеръ и стиль этой книги.

Поэтъ Казинъ пишетъ:

“Европы грудь
Вздывается въ мозолистомъ возстаньи
Готова глубоко вздохнуть
Совѣтовъ свѣжее дыханье...”

Поэтъ Семенродовъ:

“Великимъ сдвигамъ соучастны
Мы, пролетарскіе пѣвцы,
Подъ знаменемъ кроваво-краснымъ
Въ рядахъ товарищей-борцы...”

Поэтъ В. Александровскій:

“Съ лучами солнца въ души наши
Просачивается кровь
Но крылья будущаго машутъ
Призывно съ близкихъ береговъ...
За нашимъ солнечнымъ ковчегомъ
Вѣка, грядущіе плывутъ...”

Поэтъ Михайль Герасимовъ, призываетъ даже солнце на фронтъ труда:

“Пролей лучей Ніагары,
Ждетъ на фронтъ труда
Ждетъ твоего удара
Живыхъ сердець руда...”

А вотъ “выписка” изъ разсказа М. Герасимова “Марсель”: “рыжій Жакъ, съ лицомъ заржавленнымъ, какъ качъ желѣзной руды, сжалъ огромные кулаки, похожіе на узлы якорныхъ цѣпей... У кочегара горѣли красные глаза, какъ куски раскаленнаго металла на лицѣ, которое было сморщено и невыносимымъ пламенемъ топокъ”.

Съ грустью удивляешься, что Россія, столь талантливая, предоставлена столь бездарнымъ “пролетарскимъ поэтамъ”.

Въ настоящее время намѣчается возвратъ къ буржуазной литературѣ, а бывшя увлеченія оставлены.

Чѣмъ же и кѣмъ же еще представлены совѣтскіе писатели?

М. Горькій, который, какъ я уже замѣтилъ, считается однимъ изъ столповъ совѣтской литературы, держится странной позиціи. Ничего революціонно-совѣтскаго не пишетъ, отдѣляется больше статьями или небольшими пьесами (напр., "Рабочій Словотковъ"), въ которыхъ пронизируетъ надъ "пролетаріями Совѣтской Россіи".

В. Немировичъ-Данченко, который считается яримъ совѣтскимъ писателемъ, недавно выпустилъ книгу "Нравы нашей буржуазіи", гдѣ описываетъ весьма вульгарно жизнь одного банкира, романъ, лишекный подоплеки и таланта.

Вас. Князевъ, самый талантливый, можетъ быть единственный изъ поэтовъ, ставшій вполнѣ на сторону совѣтской власти и вмѣстѣ съ тѣмъ создавшій талантливыя произведенія. Изъ его стихотвореній, вышедшихъ въ началѣ 1919 г., самое талантливое это "Красное Евангеліе", написанное въ духѣ, родственномъ Беранже. Оно производитъ впечатлѣніе своей экспрессіей.

Въ недавнее время вышелъ сборникъ стихотвореній Князева, куда вошли его произведенія отъ 1910 до 1920 года.

Илья Пановъ, старій коммунистъ, являющійся сейчасъ руководителемъ государственнаго издательства въ Петроградѣ, выпустилъ томъ стиховъ "Алое поле" среднихъ по качеству, съ тѣнью таланта.

Н. Клюевъ, который считался народнымъ поэтомъ еще въ 1915-1916 г., даровитѣйшій изъ пролетарскихъ поэтовъ. Его сборникъ "Мѣдный Китъ" даетъ образцы, недюжинные, его таланта.

Ал. Блокъ, который стоитъ на гранѣ совѣтскихъ и не-совѣтскихъ писателей, примыкая скорѣе все-таки къ группѣ такъ называемыхъ Вольфиловъ (Вольной философской ассоціаціи), гдѣ находятся талантливейшіе писатели А. Бѣлый, Вурчаевъ и другіе. Александръ Блокъ, послѣ своей талантливой, пожалуй даже гениальной поэмы "Двѣнадцать", написанной еще въ 1918

году, не создалъ ничего такого же яркаго, такого же революціоннаго. И поскольку въ 1918 году большевики были имъ довольны, то теперь, за послѣднее время, все болѣе и болѣе недовольны. “Онъ не выполнѣ нашъ”.

Этими именами, этими книгами исчерпывается списокъ совѣтской литературы.

Онъ не богатъ...

Скорѣе бѣдень...

Можетъ быть время принесетъ совѣтской Россіи своихъ Беранже, можетъ быть этого и не будетъ, ибо большое отличіе большевистской революціи было неучастіе, вѣрнѣе противодѣйствіе ей со стороны интеллигенціи.

Всякой...

Интеллигенціи, какъ класса...

Интеллигенціи пролетарской...

Интеллигенціи крестьянской...

Это не можетъ не сказываться и на психологійи и творчествѣ совѣтской литературы. Но, впрочемъ, современнику трудно судить правильно и достаточно здраво.

---

2. СРЕДИ УЧЕНЫХЪ.

“Большевики охраняютъ, берегутъ русскую науку”, — такъ думали многіе и думаютъ, можетъ быть, сейчасъ въ Европѣ.

Но развѣ можетъ существовать русская наука — во время революціи? иронизируютъ тѣ, кто умѣетъ смѣяться сквозь слезы.

— Но во всякомъ случаѣ, когда будете въ Европѣ, разруште легенду о наукофильствѣ большевиковъ.

— Два года — мы ученые — были паріями совѣтскаго правительства. Мы не получали пайковъ, кромѣ карточки В, карточки буржуазныхъ прихвостней. Нашъ окладъ былъ ниже голодной нормы. Наши лабораторіи были безъ дровъ и газа. Насъ арестовывали. Но мы терпѣли и молчали. И молча умирали.

За два съ половиной года существованія совѣтскаго строя умерло 40 процентовъ профессуры и врачей. Въ моемъ распоряженіи списки умершихъ, полученные мною изъ Дома Ученыхъ и Дома Литераторовъ. Даю здѣсь списокъ именъ наиболѣе извѣстныхъ профессоровъ и ученыхъ: Армашевскій, К. Ариштейнъ, Ф. Батюшковъ, А. Бороздинъ, Н. Васильевъ, Н. Вельяминовъ, А. Веселовскій, Н. А. Веселовскій, А. Быковъ, В. Гесенъ, Г. Дормидонтовъ, М. Дьяконовъ, Р. Жукѣвскій, А. А. Исаевъ, А. А. Кауфманъ, Д. Кобеко, Д. Корсаковъ, Н. Никифоровъ, С. Кулаковскій, М. Кулишеръ, А. Лаппо-Данилевскій, О. Леммъ, Л. М. Лопатинъ, И. Лучицкій, П. О. Мороозвъ, Д. Нагуевскій, С. Поченполь, П. Покровский, Д. Радловъ, Д. Рихтеръ, М. Рыкачевъ, Я. И. Смирновъ, А. Танѣевъ, Е. Трубецкой, М. Туганъ-Барановскій, Б. Тураевъ, А. Фаминцынъ, Флоринскій, В. Хвостовъ, Е. Федоровъ, Л. Ходскій, Л. Шалландъ, Шляпкинъ и т. д.

Къ началу 1920 г. положеніе стало ясно — умираетъ “буржуазная наука”.

Но на смѣну ей не приходила ни пролетарская наука, ни пролетарскіе ученые.

Тогда — это было близко къ пріѣзду иностранныхъ делегаций — большевики забеспокоились.

— Безъ науки — неудобно. Надо сохранить, спасти послѣдніе остатки русской науки и русскихъ ученыхъ.

Организуется комиссія по улучшенію быта ученыхъ. Предсѣдателемъ выбирается Горькій. Члены академіи Ольденбургъ, Ферсманъ, Танковъ, отъ совѣтскаго правительства М. Кристи и Зайкинъ. Ученымъ даются пайки повышенные, ставки увеличенныя. Организуется “Домъ Ученыхъ” — во дворцѣ великаго князя на Милліонной улицѣ.

Это было въ февралѣ.

Три мѣсяца получали ученые свои пайки. Двѣ тысячи ученыхъ и профессоровъ. Но иностранныя делегации уѣхали, и профессора на субботнихъ собраніяхъ въ Домѣ Ученыхъ говорили не разъ рѣзко и ясно противъ Совѣтскаго правительства.

Правда, говорили они не по простому, по ученому, на эзоповскомъ языкѣ.

Но большевики все же понимали.

Ч-ку не проведешь.

И къ концу лѣта начался новый походъ на русскую науку.

* * *

М. Кристи — комиссаръ надъ учеными и высшими учебными заведеніями Петрограда — только исполнитель повелѣній сверху.

— Русскую интеллигенцію, въ частности русскую науку, мы можемъ взять изморомъ. Весь вопросъ — въ пайкѣ. Сейчасъ дать поѣсть, потомъ отнять — такъ откровенно и совершенно цинично заявилъ Зиновьевъ въ Исполкомѣ.

— Они не хотятъ быть намъ послушными. — Эта фраза предсѣдателя Петрокоммуны — Бадаева, нынѣ арестованнаго за спекуляцію (и уже освобожденнаго) отнюдь не сказка. Ибо съ іюня уже начался нелѣпый походъ на науку: уменьшился паекъ качественно, угрожали уменьшить паекъ количественно, начали травлю въ газетахъ, устроили рядъ митинговъ о “буржуазности” науки.

И наконецъ снова стали арестовывать профессуру. Хирурга Федорова, проф. Максимова и др. Кристи возвѣстилъ походъ на Академію, и разрушеніе послѣдней — вопросъ времени. Ибо Высшіе Женскіе Курсы разрушены. Университетъ — почти. При такой обстановкѣ говорить о правильной научной работѣ не приходится. Ученымъ и профессорамъ приходится совмѣстительствовать, гнаться за пайкомъ, пилить дрова, носить воду и т. д. Создается фикція работы, при нелѣпѣйшей и никому ненужной огромной затратѣ энергіи.

Два года я не видалъ своихъ друзей и коллегъ по университету. И увидѣвъ ихъ, я — наученный совѣтскими тюрьмами ничему не удивляться — былъ удивленъ несказанно. Молодые люди — стали стариками, полусѣдыми и утомленными. Конечно, не всѣ. Но это — правило съ исключеніями.

Среди ученыхъ единицы перешли къ большевикамъ. Единицы незначительныя, не крупныя. Ибо проф. Гредескулъ — одинъ изъ перешедшихъ — не

былъ и не есть для російской интеллигенціи авторитетъ. Его ректорство въ Харьковскомъ университетѣ и сотрудничество въ протопоповской газетѣ — пятна достаточно сѣрыя и несмываемыя.

Но и эти единицы “измѣнили”, благодаря своеобразному гипнозу, подъ которымъ большевики и держатъ всю Россію.

— Вѣдь Европа наканунѣ социальной революціи. Вѣдь тамъ — это уже фактъ, такъ спрашивалъ меня каждый интеллигентъ.

Объ этомъ ежедневно пишутъ большевики, какъ о фактѣ неоспоримомъ и существующемъ. Революція — во Франціи, Англии и такъ далѣе безъ конца.

И Гредескулъ на своемъ докладѣ въ Петроградѣ, наивно, по своему доказывалъ необходимость для интеллигенціи перейти къ совѣтскому правительству.

— Вѣдь другого выхода нѣтъ. Всюду большевизмъ на западѣ и востокѣ. Такъ не лучше ли сразу принять его.

И гипнозъ этотъ заставляетъ болѣе слабыхъ духомъ смущаться.

Болѣе сильные духомъ — рѣшили вопросъ по своему. Они защищаютъ науку. Они берегутъ то, что осталось...

Ибо большевики — переходящее, а наука извѣчное.

Эти въ условіяхъ невѣроятно тяжелыхъ — работаютъ, думаютъ, создаютъ новыя научныя цѣнности.

Создаютъ независимо отъ большевиковъ, несмотря на большевиковъ. И среди этихъ цѣнностей есть работы и книги, увы — ненапечатанныя, о конхъ Европа будетъ говорить.

Онѣ тѣмъ цѣннѣе и дороже будутъ намъ, русскимъ, что создались онѣ и творились въ годы “великаго російскаго горя”.

“Христовъ” Николая Морозова. Въ Петроградѣ много говорили этимъ лѣтомъ — осенью о новой работѣ большой, только что напечатанной — Николая Морозова, шлиссельбургца и астронома. Путемъ долгихъ и кропотливыхъ изслѣдованій — историко-астрономиче-

скихъ — онъ приходитъ къ мысли, что Христось — Богочеловѣкъ, создавшій христіанство, жилъ значительно позже того времени, которое опредѣляетъ начало эры христіанства. Совпаденія астрономическихъ вычислений привели Н. Морозова къ положенію, что Христось жилъ въ серединѣ IV вѣка. Результаты своихъ изслѣдованій Морозовъ изложилъ на августовскомъ сѣздѣ астрономовъ въ Петроградѣ.

“Комета Селиванова”. Астрономъ научнаго Института Лесгафта Селивановъ открылъ комету, получившую его имя, такъ какъ не могли провѣрить, была ли эта комета замѣчена въ Европѣ. Эклиптикальныя координаты перигелиевъ этой планеты очень близки къ кометѣ 1911 г.

“Эволюція понятія о телоемкости” — Хвольсона. Книга — увы — до сихъ поръ непечатанная, ибо въ совѣтской Россіи сейчасъ почти ничего, кромѣ брошюръ и газетъ большевистскихъ, не издается. Книга, о которой говорятъ, какъ о самомъ интересномъ и талантливомъ трудѣ нашего извѣстнаго физика.

“Работы о іонахъ” — П. Лазарева, частично опубликованныя въ Извѣстіяхъ Физическаго Института Шанявскаго, составляютъ цѣлую эру въ вопросѣ о работѣ нервныхъ центровъ.

Въ книгѣ 15-й “Былого”, только что вышедшей въ свѣтъ, собрано все наиболѣе интересное по исторіи русскаго революціоннаго движенія, единственной области изъ исторіи, гдѣ продолжается научная работа. Изъ статей, наиболѣе интересныхъ, помѣщенныхъ въ этомъ номерѣ: “Послѣдніе дни стараго режима”, А. Блока, “Г. Плехановъ”, Ильинскаго, “Лопатинъ”, Енотаевскаго и др.

“Основы страновѣдѣнія”, проф. Семенова-Тянь-Шанскаго, новая книга, заключенная въ рукописи и представляющая большой научный и учебный интересъ.

“Фиксація азота”, работа Игнатьева, дала крупные и практическо-интересные результаты. При его помощи созданъ особый аппаратъ для сжиганія воздуха въ пламени электрической дуги. Его работа “Матеріа-

лы къ синтезу амміака” вызвала большой интересъ у химиковъ.

“Эволюція на основаніи Номогенеза”, книга (тоже въ рукописи) русскаго зоолога Берга, составила крупное событіе въ жизни русскихъ біологовъ. О ней много говорили, ей было посвящено два доклада въ Домѣ Ученыхъ.

“Новый способъ опредѣленія ферментовъ крови”, профессора А. Баха изъ біохимической Московской лабораторіи — открываетъ новую эру для работъ по изслѣдованію ферментовъ крови. Европа не знаетъ этой техники, явившейся результатомъ многолѣтнихъ работъ Баха. И въ настоящее время медицинская Москва жадно провѣряетъ эту технику на рядѣ заболѣваній крови.

Это почти все. Конечно, не все. Я привелъ только главное. Это показываетъ, что русская наука не умерла, что она живетъ, несмотря на невѣроятно тяжелыя условія жизни въ совѣтской Россіи...

Для иллюстраціи отношенія совѣтскаго правительства къ русской наукѣ я приведу въ заключеніе переписку между Ленинымъ и извѣстнымъ физиологомъ Павловымъ, о которомъ въ сентябрѣ говорилъ весь Петроградъ.

“Я прошу Васъ разрѣшить мнѣ выѣздъ за границу. Я не могу принять совѣтскаго строя. Но въ то же время я — аполитиченъ, какъ аполитична наука. И хочу только одного — закончить свои работы, которыя нельзя реализовать теперь въ Россіи и которыя могутъ быть нужны человѣчеству”...

Ленинъ на это отвѣтилъ черезъ значительный промежутокъ времени Комиссаріату народнаго просвѣщенія:

“Сообщите гражданину Н. Павлову, что выѣздъ его за границу совѣтской республики разрѣшенъ быть

не можетъ. Россіи нужны ученые... Я не увѣренъ, что проф. Павловъ не будетъ агитировать противъ насъ.

Но дабы гражданинъ Павловъ могъ бы работать, предоставить ему индивидуальный паекъ и топливо”.

На это Павловъ отвѣтилъ черезъ Комиссаріатъ Нар. Просвѣщенія:

...“Я благодарю за попеченіе обо мнѣ гр. Ленина, но я не могу принять этой помощи, не могу быть сытымъ, въ то время, когда мои коллеги и друзья по наукѣ умираютъ отъ истощенія десятками. Русская наука была независима и будетъ таковой”.

Такъ говоритъ Ленинъ...

Такъ отвѣчаетъ русскій ученый...

Сентябрь 1920 г.

Книгоиздательство „НАРОДОПРАВСТВО“ принимает подписку на нижеслѣдующіе газеты и журналы:

“ВОЛЯ РОССИИ”.

Большая ежедневная общественно политическая и литературная газета, издающаяся въ Прагѣ, при ближайшемъ участіи В. М. Зензинова, В. И. Лебедева и О. С. Минора.

Программа газеты: Защита, развитіе и укрѣпленіе принциповъ мартовской революціи. Свобода и право. Демократическая федеративная республика. Земля трудящимся. Вся власть Учр. Собр. Обширный інформаціонный матеріалъ о совѣтской Россіи.

Условія подписки: на 6 мѣс. 5 д., на 3 м. 2.75 д., пробный номеръ бесплатно.

“ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ”.

Ежедневная газета, издающаяся въ Парижѣ подъ редакціей прис. пов. Гольдштейна, богато информированная и освѣдомленная газета. Подписная цѣна: на 3 мѣс. 2 д. 75 с., на 6 мѣс. 5 долл.

“ОБЩЕЕ ДѢЛО”.

Ежедневная газета, издается въ Парижѣ подъ ред. В. Бурцева. Подписная цѣна на 3 мѣс. 2 д. 75 с. на 6 мѣс. 5 д.

“РУЛЬ”.

Ежедневная газета, издается въ Берлинѣ при ближайшемъ участіи Г. В. Гессена, проф. А. И. Каминки и В. Д. Набокова. Подписная плата на 3 мѣс. 2 д., на 6 мѣс. 3 д. 75 с.

“СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ”.

Большой ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ, издается въ Парижѣ съ ноября мѣсяца прошлаго года при ближайшемъ участіи Н. Д. Авксентьева, И. И. Буанова, М. В. Вишняка, А. И. Гуновскаго и В. В. Руднева.

Журналъ этотъ служитъ дѣлу сплоченія демократическихъ силъ Россіи вокругъ лозунговъ: возрожденіе русской культуры; преодоленіе большевизма; воссозданіе свободной Россіи на началахъ, провозглашенныхъ мартовскою революціей 1917 года. Журналъ большого формата, около 350 стр. Цѣна 1 д. 50 с.

“ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА”.

Двухъ-недѣльный журналъ для дѣтей средняго и старшаго возраста, издается въ Парижѣ. Этотъ журналъ представляетъ большую цѣнность для дѣтей, живущихъ здѣсь на чужбинѣ, вдали отъ родины.

Подписная плата: на 3 мѣс. 1 д. 75 с., на 6 мѣс. 3 д. 50 с.

Съ заказами обращаться по адресу:

“Free Russia” P. O. Box 81, Sta. D., New York.

НОВЫЯ КНИГИ.

Книгоиздательствомъ "НАРОДОПРАВСТВО" получены для продажи слѣдующія книги издательства "Сѣверные огни", въ Стокгольмѣ. Изданныя ими книги подъ общей редакціей проф. И. А. Лундель и Е. А. Ляцкаго въ отношеніи редакціи, бумаги и отдѣлки далеко превосходятъ всѣ русскія книги, появившіяся до нынѣ за границей.

Ляцкій, Евг. — ГОНЧАРОВЪ. Жизнь, личность, творчество, критико-біографическіе очерки. Изданіе 3-е, съ приложеніемъ портрета И. А. Гончарова «СЧАСТЛИВАЯ ОШИБКА». 380 стр. Цѣна 2 д. 75 с.

Грибоѣдовъ, А. С. — "ГОРЕ ОТЪ УМА". Критическій текстъ, вступительная статья, примѣчанія, подъ редакціей Е. А. Ляцкаго. Изъ серіи "Русскіе классики". Цѣна 1 д. 25 с.

Крыловъ, И. А. — БАСНИ. Текстъ, вступительная статья, примѣчанія, подъ редакціей Е. А. Ляцкаго. Изъ серіи "Русскіе классики". Цѣна 1 д. 25 с.

НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, подъ редакціей Е. А. Ляцкаго:

СКАЗКИ. УТѢХИ ДОСУЖІЯ. Изд. 2-е. Цѣна 1 д. 25 с.

БЫЛИНЫ. СТАРИНКИ БОГАТЫРСКІЯ. Изд. 2-е. Цѣна 1.25 д.

РУСЬ СТРАЖДУЩАЯ. ВЪНЕЦЬ МНОГОЦВѢТНЫЙ. («Стихи духовные»). Изд. 2-е. Цѣна 1 д. 35 с.

ДѢТСКІЯ ГРЕЗЫ. — Сборникъ иллюстрированныхъ въ краскахъ разсказовъ для дѣтей. Цѣна 70 с.

КЪ НОВЫМЪ ДАЛЯМЪ. — Лирика вѣжныхъ созвучій. Стихи XX вѣка. Цѣна 75 с.

Только что получены и впервые въ Соед. Шт. поступили въ продажу слѣдующія книги издательства "Сѣверъ" въ Парижѣ:

1. АЗБУКА. — Льва Никол. Толстого. Цѣна 45 с.

2. РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ. И. Куприна. Цѣна 1 д. 50 с.

3. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТЪ. Лонгфеллоу. Цѣна 1 д. 75 с.

Съ заказами обращаться по адресу:

"Free Russia" P. O. Box 81, Sta. D., New York.